

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

О ЖИЗНИ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМ 26

Лев Николаевич Толстой
Полное собрание сочинений.
Том 26. Произведения
1885–1889 гг. О жизни
Серия «Весь Толстой в один клик»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6880232

Содержание

Лев Николаевич	5
Предисловие к электронному изданию	7
О ЖИЗНИ	10
ВСТУПЛЕНИЕ.	12
Глава I.	29
Глава II.	34
Глава III.	40
Глава IV.	43
Глава V.	47
Глава VI.	54
Глава VII.	58
Глава VIII.	63
Глава IX.	67
Глава X.	71
Глава XI.	74
Глава XII.	81
Глава XIII.	87
Глава XIV.	94
Глава XV.	100
Глава XVI.	105
Глава XVII.	109
Глава XVIII.	111
Глава XIX.	116

Глава XX.	122
Глава XXI.	126
Глава XXII.	133
Глава XXIII.	138
Глава XXIV.	148
Глава XXV.	153
Глава XXVI.	157
Глава XXVII.	162
Глава XXVIII.	169
Глава XXIX.	178
Конец ознакомительного фрагмента.	183

Лев Николаевич Толстой О жизни

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1936

Электронное издание осуществлено компаниями [АВВУУ](#)
и [WEXLER](#) в рамках краудсорсингового проекта [«Весь Тол-
стой в один клик»](#)

Организаторы проекта:

[Государственный музей Л. Н. Толстого](#)

[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)

[Компания АВВУУ](#)

Подготовлено на основе электронной копии 26-го тома
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставлен-
ной [Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л.
Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 26-му тому Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам
report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в

электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

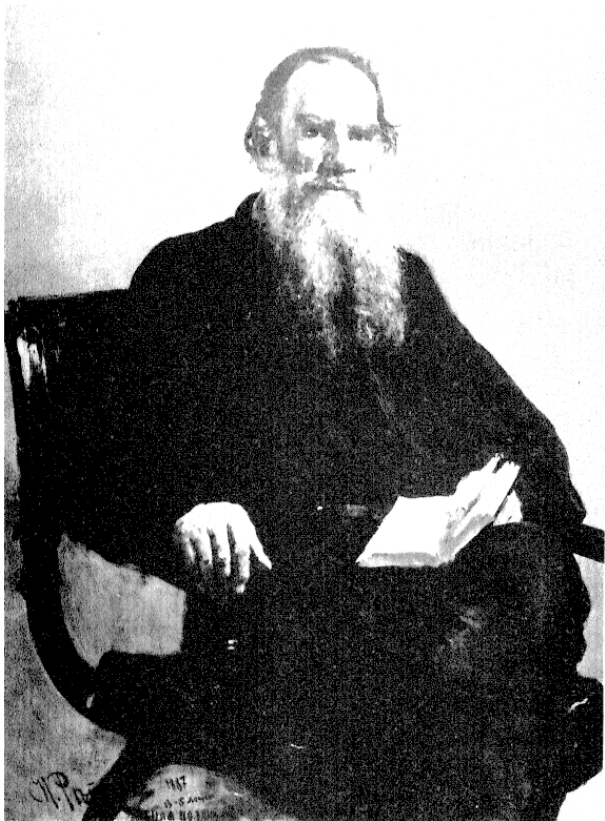
Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

1887 г.

Портрет работы И. Е. Репина.

O ЖИЗНИ

1886—1887

L'homme n'est qu'un roseau, le plus faible de la nature, mais c'est un roseau pensant. Il ne faut pas que l'univers entier s'arme pour l'écraser. Une vapeur, une goutte d'eau suffit pour le tuer. Mais quand l'univers l'écraserait, l'homme serait encore plus noble que ce qui le tue, parce qu'il sait qu'il meurt: et l'avantage que l'univers a sur lui, l'univers n'en sait rien. Ainsi, toute notre dignité consiste dans la pensée. C'est de là qu'il faut nous relever, non de l'espace et de la durée. Travaillons donc à bien penser: voilà le principe de la morale.

Pascal.

Zwei Dinge erfüllen mir das Gemüth mit immer neuer und zunehmender Bewunderung und Ehrfurcht, je öfter und anhaltender sich das Nachdenken damit beschäftigt: der bestirnte Himmel über mir, und das moralische Gesetz in mir... Das erste fängt von dem Platze an, den ich in der äussern Sinnenwelt einnehme, und erweitert die Verknüpfung, darin ich stehe, ins unabsehlich Grosse mit Welten über Welten und Systemen von Systemen, überdem noch in grenzenlose Zeiten ihrer periodischen Bewegung, deren Anfang und Fortdauer. Das zweite fängt von meinem unsichtbaren Selbst, meiner Persönlichkeit an, und stellt mich in einer Welt dar, die wahre Unendlichkeit hat, aber nur dem Verstande spürbar ist, und mit welcher ich mich, nicht wie dort in

*blos zufälliger, sondern allgemeiner und nothwendiger
Verknüpfung erkenne.*

Kant. [Krit. der pract. Vern. Beschluss].

«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга».
Ев. Иоан. XII, 34

ВСТУПЛЕНИЕ.

Представим себе человека, которого единственным средством к жизни была бы мельница. Человек этот – сын и внук мельника и по преданию твердо знает, как надо во всех частях ее обращаться с мельницей, чтобы она хорошо молола. Человек этот, не зная механики, прилаживал, как умел, все части мельницы так, чтобы размол был спорый, хороший, и человек жил и кормился.

Но случилось этому человеку раздуматься над устройством мельницы, услышать кое-какие неясные толки о механике, и он стал наблюдать, что от чего вертится.

И от порхлицы до жернова, от жернова до вала, от вала до колеса, от колеса до заставок, плотины и воды, дошел до того, что ясно понял, что всё дело в плотине и в реке. И человек так обрадовался этому открытию, что вместо того, чтобы, по прежнему, сличая качество выходящей муки, опускать и поднимать жернова, ковать их, натягивать и ослаблять ремень, стал изучать реку. И мельница его совсем разладилась. Стали мельнику говорить, что он не то делает. Он спорил и продолжал рассуждать о реке. И так много и долго работал над этим, так горячо и много спорил с теми, которые показывали ему неправильность его приема мысли, что под конец и сам убедился в том, что река и есть самая мельница.

На все доказательства неправильности его рассуждений,

такой мельник будет отвечать: никакая мельница не мелет без воды; следовательно, чтоб знать мельницу, надо знать, как пускать воду, надо знать силу ее движения и откуда она берется, – следовательно, чтобы знать мельницу, надо познать реку.

Логически мельник неопровержим в своем рассуждении. Единственное средство вывести его из его заблуждения состоит в том, чтобы показать ему, что в каждом рассуждении не столько важно само рассуждение, сколько занимаемое рассуждением место, т. е. что для того, чтобы плодотворно мыслить, необходимо знать, о чем прежде надо мыслить и о чем после; показать ему, что разумная деятельность отличается от безумной только тем, что разумная деятельность распределяет свои рассуждения по порядку их важности: какое рассуждение должно быть 1-м, 2-м, 3-м, 10-м, и т. д. Безумная же деятельность состоит в рассуждениях без этого порядка. Нужно показать ему и то, что определение этого порядка не случайно, а зависит от той цели, для которой и производятся рассуждения.

Цель всех рассуждений и устанавливает порядок, в котором должны располагаться отдельные рассуждения, для того чтобы быть разумными.

И рассуждение, не связанное с общей целью всех рассуждений, безумно, как бы оно ни было логично.

Цель мельника в том, чтобы у него был хороший размол, и эта-то цель, если он не будет упускать ее из вида, опреде-

лит для него несомненный порядок и последовательность его рассуждений о жерновах, о колесе, плотине и о реке.

Без этого же отношения к цели рассуждений, рассуждения мельника, как бы они ни были красивы и логичны, сами в себе будут неправильны и, главное, праздны; будут подобны рассуждениям Кифы Мокеевича, рассуждавшего о том, какой толщины должна бы быть скорлупа слоновое яйца, если бы слоны выводились из яиц как птицы. И таковы, по моему мнению, рассуждения нашей современной науки о жизни.

Жизнь есть та мельница, которую хочет исследовать человек. Мельница нужна для того, чтобы она хорошо молола, жизнь нужна только затем, чтобы она была хорошая. И эту цель исследования человек не может покидать ни на одно мгновение безнаказанно. Если он покинет ее, то его рассуждения неизбежно потеряют свое место и сделаются подобны рассуждениям Кифы Мокеевича о том, какой нужен порох, чтобы пробить скорлупу слоновых яиц.

Исследует человек жизнь только для того, чтобы она была лучше. Так и исследовали жизнь люди, подвигающие вперед человечество на пути знания. Но, рядом с этими истинными учителями и благодетелями человечества, всегда были и теперь есть рассудители, покидающие цель рассуждения и вместо нее разбирающие вопрос о том, отчего происходит жизнь, отчего вертится мельница. Одни утверждают, что от воды, – другие, что от устройства. Спор разгорается, и пред-

мет рассуждения отодвигается всё дальше и дальше и совершенно заменяется чуждыми предметами.

Есть старинная шутка о споре жидовина с христианином. Рассказывается, как христианин, отвечая на запутанные тонкости жидовина, ударил его ладонью по плечи так, что шелконуло, и задал вопрос: от чего шелконуло? от ладони или от плечи? И спор о вере заменился новым неразрешимым вопросом.

Что-то подобное с древнейших времен рядом с истинным знанием людей происходит и по отношению к вопросу о жизни.

С древнейших времен известны рассуждения о том, отчего происходит жизнь? от невещественного начала или от различных комбинаций материи? И рассуждения эти продолжают до сих пор, так что не предвидится им никакого конца, именно потому, что цель всех рассуждений оставлена и рассуждается о жизни независимо от ее цели; и под словом жизнь разумеют уж не жизнь, а то, отчего она происходит, или то, что ей сопутствует.

Теперь, не только в научных книжках, но и в разговорах, говоря о жизни, говорят не о той, которую мы все знаем, – о жизни, сознаваемой мною теми страданиями, которых я боюсь и которые ненавижу, и теми наслаждениями и радостями, которых я желаю; а о чем-то таком, что, может быть, возникло из игры случайности по некоторым физическим законам, а может быть и от того, что имеет в себе таинственную

причину.

Теперь слово «жизнь» приписывается чему-то спорному, не имеющему в себе главных признаков жизни: сознания страданий и наслаждений, стремления к благу.

«La vie est l'ensemble des fonctions, qui résistent à la mort. La vie est l'ensemble des phénomènes, qui se succèdent pendant un temps limité dans un être organisé». «Жизнь есть двойной процесс разложения и соединения, общего и вместе с тем непрерывного. Жизнь есть известное сочетание разнородных изменений, совершающихся последовательно. Жизнь есть организм в действии. Жизнь есть особенная деятельность органического вещества. Жизнь есть приспособление внутренних отношений к внешним».

Не говоря о неточностях, тавтологиях, которыми наполнены все эти определения, сущность их всех одинакова, именно та, что определяется не то, что все люди одинаково бесспорно понимают под словом «жизнь», а какие-то процессы, сопутствующие жизни и другим явлениям.

Под большинство этих определений подходит деятельность восстанавливающегося кристалла; под некоторые подходит деятельность брожения, гниения, и под все подходит жизнь каждой отдельной клеточки моего тела, для которых нет ничего – ни хорошего, ни дурного. Некоторые процессы, происходящие в кристаллах, в протоплазме, в ядре протоплазмы, в клеточках моего тела и других тел, называют тем словом, которое во мне неразрывно соединено с сознанием

стремления к моему благу.

Рассуждение о некоторых условиях жизни, как о жизни, всё равно, что рассуждение о реке, как о мельнице. Рассуждения эти, может быть, для чего-нибудь очень нужны. Но рассуждения эти не касаются того предмета, который они хотят обсуживать. И потому все заключения о жизни, выводимые из таких рассуждений, не могут не быть ложны.

Слово «жизнь» очень коротко и очень ясно, и всякий понимает, что оно значит. Но именно потому, что все понимают, что оно значит, мы и обязаны употреблять его всегда в этом понятном всем значении. Ведь слово это понятно всем не потому, что оно очень точно определено другими словами и понятиями, а напротив, потому, что слово это означает основное понятие, из которого выводятся многие, если не все другие понятия, и поэтому для того, чтобы делать выводы из этого понятия, мы обязаны прежде всего принимать это понятие в его центральном, бесспорном для всех значении. А это-то самое, мне кажется, и было упущено спорящими сторонами по отношению к понятию жизни. Случилось то, что основное понятие жизни, взятое в начале не в его центральном значении, вследствие споров о нем всё более и более удаляясь от основного, всеми признаваемого центрального значения, потеряло наконец свой основной смысл и получило другое, несоответствующее ему значение. Сделалось то, что самый центр, из которого описывали фигуры, оставлен и перенесен в новую точку.

Спрячьте о том, есть ли жизнь в клеточке или в протоплазме или еще ниже, в неорганической материи? Но прежде чем спорить, надо спросить себя: имеем ли мы право приписывать понятие жизни клеточке?

Мы говорим, например, что в клеточке есть жизнь, что клеточка есть живое существо. А между тем основное понятие жизни человеческой и понятие той жизни, которая есть в клеточке, суть два понятия, не только совершенно различные, но и не соединимые. Одно понятие исключает другое. Я открываю, что мое тело всё без остатка состоит из клеточек. Клеточки эти, мне говорят, имеют то же свойство жизни, как и я, и суть такие же живые существа, как и я; но себя я признаю живым за только потому, что я сознаю себя со всеми клеточками, составляющими меня, одним нераздельным живым существом. Весь же я без остатка, мне говорят, составлен из живых клеточек. Чему же я припишу свойство жизни – клеточкам или себе? Если я допущу, что клеточки имеют жизнь, то я от понятия жизни должен отвлечь главный признак своей жизни, сознание себя единым живым существом; если же я допущу, что я имею жизнь, как отдельное существо, то очевидно, что клеточкам, из которых состоит всё мое тело и о сознании которых я ничего не знаю, я никак не могу приписать того же свойства.

Или я живой и во мне есть неживые частицы, называемые клеточками, – или есть сонмище живых клеточек, а мое сознание жизни не есть жизнь, а только иллюзия.

Мы ведь не говорим, что в клеточке есть что-то такое, что мы называем *брызнь*, а говорим, что есть «жизнь». Мы говорим: «жизнь», потому что под этим словом разумеем не какой-то *x*, а вполне определенную величину, которую мы знаем все одинаково и знаем только из самих себя, как сознание себя с своим телом единым, нераздельным с собою, и потому такое понятие неотносимо к тем клеточкам, из которых состоит мое тело.

Какими бы исследованиями и наблюдениями ни занимался человек, для выражения своих наблюдений он обязан под каждым словом разумеет то, что всеми одинаково бесспорно разумеется, а не какое-либо такое понятие, которое ему нужно, но никак не сходится с основным, всем известным понятием. Если можно слово «жизнь» употреблять так, что оно обозначает безразлично: и свойство всего предмета, и совсем другие свойства всех составных частей его, как это делается с клеточкой и животным, состоящим из клеточек, то можно также употреблять и другие слова, – можно, например, говорить, что так как все мысли из слов, а слова из букв, а буквы из черточек, то рисование черточек есть то же, что изложение мыслей, и потому черточки можно назвать мыслями.

Самое обычное явление, например, в научном мире – слышать и читать рассуждения о происхождении *жизни* из игры физических, механических сил.

Да едва ли не большинство научных людей держится это-

го... затрудняюсь, как сказать... мнения не мнения, парадокса не парадокса, а скорее шутки или загадки. Утверждается, что жизнь происходит от игры физических и механических сил, – тех физических сил, которые мы называли физическими и механическими только в противоположность понятию жизни.

Очевидно, что неправильно прилагаемое к чуждым ему понятиям слово «жизнь», уклоняясь далее и далее от своего основного значения, в этом значении удалилось от своего центра до того, что жизнь предполагается уже там, где, по нашему понятию, жизни и быть не может. Утверждается подобное тому, что есть такой круг или шар, в котором центр вне его периферии.

В самом деле, жизнь, которую я не могу себе представить, иначе, как стремлением от зла к благу, происходит в той области, где я не могу видеть ни блага, ни зла. Очевидно, что центр понятия жизни перестановлен совсем. Мало того, следя за исследованиями об этом чем-то, называемом жизнью, я вижу даже, что исследования эти и не касаются почти никаких известных мне понятий. Я вижу целый ряд новых понятий и слов, имеющих свое условное значение в научном языке, но не имеющих ничего общего с существующими понятиями.

Известное мне понятие жизни понимается не так, как все понимают его, и выводные из него понятия тоже не сходятся с обычными понятиями, а являются новые, условные поня-

тия, получающие соответствующие выдуманнные названия.

Человеческий язык вытесняется всё более и более из научных исследований, и вместо слова, средства выражения существующих предметов и понятий, воцаряется научный воляпюк, отличающийся от настоящего воляпюка только тем, что настоящий воляпюк общими словами называет существующие предметы и понятия, а научный – несуществующими словами называет несуществующие понятия.

Единственное средство умственного общения людей есть слово, и для того, чтобы общение это было возможно, нужно употреблять слова так, чтобы при каждом слове несомненно вызывались у всех соответствующие и точные понятия. Если же можно употреблять слова как попало и под словами разумеь, что нам вздумается, то лучше уж не говорить, а показывать всё знаками.

Я согласен, что определять законы мира из одних выводов разума без опыта и наблюдения есть путь ложный и ненаучный, т. е. не могущий дать истинного знания; но если изучать явления мира опытом и наблюдениями, и вместе с тем руководствоваться в этих опытах и наблюдениях понятиями не основными, общими всем, а условными, и описывать результаты этих опытов словами, которым можно приписывать различное значение, то не будет ли еще хуже? Самая лучшая аптека принесет величайший вред, если ярлыки на банках будут наклеиваться не по содержанию, а как удобнее аптекарю.

Но мне скажут: наука и не ставит себе задачей исследования всей совокупности жизни (включая в нее волю, желание блага и душевный мир); она только делает отвлечение от понятия жизни тех явлений, которые подлежат ее опытным исследованиям.

Вот это было бы прекрасно и законно. Но мы знаем, что это совсем не так в представлении людей науки нашего времени. Если бы было прежде всего признано понятие жизни в его центральном значении, в том, в котором все его понимают, и потом было бы ясно определено, что наука, сделав от этого понятия отвлечение всех сторон его, кроме одной, подлежащей внешнему наблюдению, рассматривает явления с одной этой стороны, для которой она имеет свойственные ей методы исследования, тогда бы было прекрасно и было бы совсем другое дело: тогда и место, которое заняла бы наука, и результаты, к которым бы мы приходили на основании науки, были бы совсем другие. Надо говорить то, что есть, а не скрывать того, что мы все знаем. Разве мы не знаем, что большинство опытно-научных исследователей жизни вполне уверены, что они изучают не одну только сторону жизни, а всю жизнь.

Астрономия, механика, физика, химия и все другие науки вместе, и каждая порознь, разрабатывают каждая подлежащую ей сторону жизни, не приходя ни к каким результатам о жизни вообще. Только во времена своей дикости, т. е. неясности, неопределенности, некоторые науки эти пыта-

лись с своей точки зрения охватить все явления жизни и пытались, сами выдумывая новые понятия и слова. Так это было с астрономией, когда она была астрологией, так было и с химией, когда она была алхимией. То же происходит и теперь с той опытной эволюционной наукой, которая, рассматривая одну сторону или некоторые стороны жизни, заявляет притязания на изучение всей жизни. Люди с таким ложным взглядом на свою науку никак не хотят признать того, что их исследованиям подлежат только некоторые стороны жизни, но утверждают, что вся жизнь со всеми ее явлениями будет исследована ими путем внешнего опыта. «Если, говорят они,— «психика» (они любят это неопределенное слово своего воляпюка) неизвестна еще нам, то она будет нам известна». Исследуя одну или несколько сторон жизненных явлений, мы узнаем все стороны; т. е., другими словами, что если очень долго и усердно смотреть на предмет с одной стороны, то мы увидим предмет со всех сторон и даже из середины.

Как ни удивительно такое странное учение, объяснимое только фанатизмом суеверия, оно существует, и, как всякое дикое фанатическое учение, производит свое губительное влияние, направляя деятельность человеческой мысли на путь ложный и праздный. Гибнут добросовестные труженики, посвящающие свою жизнь на изучение почти ненужного, гибнут материальные силы людей, направляясь туда, куда не нужно, гибнут молодые поколения, направляемые на самую праздную деятельность Киф Мокеевичей, возведенную на

степень высшего служения человечеству.

Говорят обыкновенно: наука изучает жизнь со всех сторон. Да в том-то и дело, что у всякого предмета столько же сторон, сколько радиусов в шаре, т. е. без числа, и что нельзя изучать со всех сторон, а надо знать, с какой стороны важнее, нужнее, и с которой менее важно и менее нужно. Как нельзя подойти к предмету сразу со всех сторон, так нельзя сразу и со всех сторон изучать явления жизни. И волей-неволей устанавливается последовательность. Вот в ней-то и всё дело. Последовательность же эта дается только разумением жизни.

Только правильное разумение жизни дает должное значение и направление науке вообще и каждой науке в особенности, распределяя их по важности их значения относительно жизни. Если же разумение жизни не таково, каким оно вложено во всех нас, то и самая наука будет ложная.

Не то, что мы назовем наукой, определит жизнь, а наше понятие о жизни определит то, что следует признать наукой. И потому, для того, чтобы наука была наукой, должен быть прежде решен вопрос о том, что есть наука и что не наука, а для этого должно быть уяснено понятие о жизни.

Скажу откровенно всю свою мысль: мы все знаем основной догмат веры этой ложной опытной науки.

Существует материя и ее энергия. Энергия движет, движение механическое переходит в молекулярное, молекулярное выражается теплом, электричеством, нервной, мозговой

деятельностью. И все без исключения явления жизни объясняются отношениями энергий. Всё так красиво, просто, ясно и, главное, удобно. Так что, если нет всего того, чего нам так хочется и что так упрощает всю нашу жизнь, то всё это надо как-нибудь выдумать.

И вот вся моя дерзкая мысль: главная доля энергии, страстности деятельности опытной науки зиждется на желании выдумать всё то, что нужно для подтверждения столь удобного представления.

Во всей деятельности этой науки видишь не столько желание исследовать явления жизни, сколько одну, всегда присутствующую заботу доказать справедливость своего основного догмата. Что потрачено сил на попытки объяснений происхождения органического из неорганического и психической деятельности из процессов организма? Не переходит органическое в неорганическое: поищем на дне моря – найдем штуку, которую назовем ядром, монерой.

И там нет; будем верить, что найдется, – тем более, что к нашим услугам целая бесконечность веков, куда мы можем спихивать всё, что должно бы быть по нашей вере, но чего нет в действительности.

То же и с переходом из органической деятельности в психическую. Нет еще? Но мы верим, что будет, и все усилия ума употребляем на то, чтобы доказать хоть возможность этого.

Споры о том, что не касается жизни, именно о том, от-

чего происходит жизнь: анимизм ли это, витализм ли, или понятие еще особой какой силы, скрыли от людей главный вопрос жизни, – тот вопрос, без которого понятие жизни теряет свой смысл, и привели понемногу людей науки, – тех, которые должны вести других, – в положение человека, который идет и даже очень торопится, но забыл, куда именно.

Но, может быть, я и умышленно стараюсь не видеть тех огромных результатов, которые дает наука в теперешнем ее направлении? Но ведь никакие результаты не могут исправить ложного направления. Допустим невозможное, – то, что всё, что желает познать теперешняя наука о жизни, о чем утверждает (хотя и сама не веря в это), что всё это будет открыто: допустим, что всё открыто, всё ясно как день. Ясно, как из неорганической материи зарождается через приспособление органическое; ясно, как физические энергии переходят в чувства, волю, мысль, и всё это известно не только гимназистам, но и деревенским школьникам.

Мне известно, что такие-то мысли и чувства происходят от таких-то движений. Ну, и что ж? Могу ли я или не могу руководить этими движениями, чтобы возбуждать в себе такие или другие мысли? Вопрос о том, какие мне надо возбуждать в себе и других мысли и чувства, остается не только нерешенным, но даже незатронутым.

Знаю я, что люди науки не затрудняются отвечать на этот вопрос. Решение этого вопроса им кажется очень просто, как просто всегда кажется решение трудного вопроса тому чело-

веку, который не понимает его. Решение вопроса о том, как устроить жизнь, когда она в нашей власти, для людей науки кажется очень просто. Они говорят: устроить так, чтобы люди могли удовлетворять своим потребностям; наука вырабатывает средства, во-первых, для того, чтобы правильно распределять удовлетворение потребностей, а во-вторых, средства производить так много и легко, что все потребности легко будут удовлетворены, и люди тогда будут счастливы.

Если же спросишь, что называется потребностью и где пределы потребностей? то на это также просто отвечают: наука – на то наука, чтобы распределить потребности на физические, умственные, эстетические, даже нравственные, и ясно определить, какие потребности и в какой мере законны и какие и в какой мере незаконны.

Она со временем определит это. Если же спросить, чем руководствоваться в определении законности и незаконности потребностей? то на это смело отвечают: изучением потребностей. Но слово потребность имеет только два значения: или условие существования, а условий существования каждого предмета бесчисленное количество, и потому все условия не могут быть изучены, или требование блага живым существом, познаваемое и определяемое только сознанием и потому еще менее могущее быть изученным опытной наукой.

Есть такое учреждение, корпорация, собрание, что ли, людей или умов, которое непогрешимо, и называется наука.

Оно всё это определит со временем.

Разве не очевидно, что такое решение вопроса есть только перефразированное царство Мессии, в котором роль Мессии играет наука, а что для того, чтобы объяснение такое объясняло что-нибудь, необходимо верить в догматы науки так же бесконтрольно, как верят Евреи в Мессию, что и делают правоверные науки, – с тою только разницей, что правоверному Еврею, представляющему себе в Мессии посланника Божия, можно верить в то, что он всё своей властью устроит отлично; для правоверного же науки по существу дела нельзя верить в то, чтобы посредством внешнего изучения потребностей можно было решить главный и единственный вопрос о жизни.

Глава I.

ОСНОВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Живет всякий человек только для того, чтобы ему было хорошо, для своего блага. Не чувствует человек желания себе блага, – он и не чувствует себя живущим. Человек не может себе представить жизни без желания себе блага. Жить для каждого человека всё равно, что желать и достигать блага; желать и достигать блага – всё равно, что жить.

Жизнь чувствует человек только в себе, в своей личности, и потому сначала человеку представляется, что благо, которого он желает, есть благо только его личности. Ему сначала кажется, что живет, истинно живет только он один. Жизнь других существ представляется ему совсем не такою, как своя, – она представляется ему только подобием жизни; жизнь других существ человек только наблюдает и только из наблюдений узнает, что они живут. Про жизнь других существ человек знает, когда хочет думать о них, но про себя он *знает*, ни на секунду не может перестать *знать*, что он живет, и потому настоящею жизнью представляется каждому человеку только своя жизнь. Жизнь других существ, окружающих его, представляется ему только одним из усло-

вий его существования. Если он не желает зла другим, то только потому, что вид страдания других нарушает его благо. Если он желает добра другим, то совсем не так, как себе, — не для того, чтобы было хорошо тому, кому он желает добра, а только для того, чтобы благо других существ увеличивало благо его жизни. Важно и нужно человеку только благо в той жизни, которую он чувствует своею, т. е. своё благо.

И вот, стремясь к достижению этого своего блага, человек замечает, что благо это зависит от других существ. И, наблюдая и рассматривая эти другие существа, человек видит, что все они, и люди, и даже животные, имеют точно такое же представление о жизни, как и он. Каждое из этих существ точно так же, как и он, чувствует только свою жизнь и свое благо, считает только свою жизнь важною и настоящею, а жизнь всех других существ только средством для своего блага. Человек видит, что каждое из живых существ точно так же, как и он, должно быть готово, для своего маленького блага, лишиться большего блага и даже жизни все другие существа, а в том числе и его, так рассуждающего человека. И, поняв это, человек невольно делает то соображение, что если это так, — а он знает, что это несомненно так, — то не одно и не десяток существ, а все бесчисленные существа мира, для достижения каждого своей цели, всякую минуту готовы уничтожить его самого, — того, для которого одного и существует жизнь. И, поняв это, человек видит, что его личное благо, в котором одном он понимает жизнь, не только не может быть

легко приобретено им, но, наверное, будет отнято от него.

Чем дальше человек живет, тем больше рассуждение это подтверждается опытом, и человек видит, что жизнь мира, в которой он участвует, составленная из связанных между собой личностей, желающих истребить и съесть одна другую, не только не может быть для него благом, но будет, наверное, великим злом.

Но мало того: если даже человек и поставлен в такие выгодные условия, что он может успешно бороться с другими личностями, не боясь за свою, очень скоро и разум и опыт показывают ему, что даже те подобия блага, которые он урывает из жизни, в виде наслаждений личности, не – блага, а как будто только образчики блага, данные ему только для того, чтобы он еще живее чувствовал страдания, всегда связанные с наслаждениями. Чем дольше живет человек, тем яснее он видит, что наслаждений всё становится меньше и меньше, а скуки, пресыщения, трудов, страданий всё больше и больше. Но мало и этого: начиная испытывать ослабление сил и болезни, и глядя на болезни и старость, смерть других людей, он замечает еще и то, что и самое его существование, в котором одном он чувствует настоящую, полную жизнь, каждым часом, каждым движением приближается к ослаблению, старости, смерти; что жизнь его, кроме того, что она подвержена тысячам случайностей уничтожения от других борющихся с ним существ и всё увеличивающимся страданиям, по самому свойству своему есть только

не перестающее приближение к смерти, к тому состоянию, в котором вместе с жизнью личности наверное уничтожится всякая возможность какого бы то ни было блага личности. Человек видит, что он, его личность – то, в чем одном он чувствует жизнь, только и делает, что борется с тем, с чем нельзя бороться, – со всем миром; что он ищет наслаждений, которые дают только подобия блага и всегда кончаются страданиями, и хочет удержать жизнь, которую нельзя удержать. Человек видит, что он сам, сама его личность, – то, для чего одного он желает блага и жизни, – не может иметь ни блага, ни жизни. А то, что он желает иметь: благо и жизнь, имеют только те чуждые ему существа, которых он не чувствует и не может чувствовать, и про существование которых он знать и не может и не хочет.

То, что для него важнее всего и что одно нужно ему, что – ему кажется – одно живет по настоящему, его личность, то гибнет, то будет кости, черви – не он; а то, что для него не нужно, не важно, что он не чувствует живущим, весь этот мир борющихся и сменяющихся существ, то и есть настоящая жизнь, то останется и будет жить вечно. Так что та единственно чувствуемая человеком жизнь, для которой происходит вся его деятельность, оказывается чем-то обманчивым и невозможным, а жизнь вне его, нелюбимая, нечувствуемая им, неизвестная ему, и есть единая настоящая жизнь.

То, чего он не чувствует, то только и имеет те свойства, которые он один желал бы иметь. И это не то – что так пред-

ставляется человеку в дурные минуты его унылого настроения – это не представление, которое можно не иметь, а это напротив такая очевидная, несомненная истина, что если мысль эта сама хоть раз придет человеку, или другие хоть раз растолкуют ему ее, то он никогда уж не отделается от нее, ничем не выжжет ее из своего сознания.

Глава II.

**ПРОТИВОРЕЧИЕ ЖИЗНИ СОЗНАНО
ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ С ДРЕВНЕЙШИХ
ВРЕМЕН. ПРОСВЕТИТЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
ОТКРЫВАЛИ ЛЮДЯМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ЖИЗНИ, РАЗРЕШАЮЩИЕ ЭТО
ВНУТРЕННЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ,
НО ФАРИСЕИ И КНИЖНИКИ
СКРЫВАЮТ ИХ ОТ ЛЮДЕЙ.**

Единственная представляющаяся сначала человеку цель жизни есть благо его личности, но блага для личности не может быть; если бы и было в жизни нечто, похожее на благо, то жизнь, в которой одной возможно благо, жизнь личности, каждым движением, каждым дыханием неудержимо влечется к страданиям, к злу, к смерти, к уничтожению.

И это так очевидно и так ясно, что всякий мыслящий человек, и молодой и старый, и образованный и необразованный, всякий видит это. Рассуждение это так просто и естественно, что оно представляется всякому человеку разумному и с древнейших времен было известно человечеству.

«Жизнь человека, как личности, стремящейся только к

своему благу, среди бесконечного числа таких же личностей, уничтожающих друг друга и самих уничтожающихся, есть зло и бессмыслица, и жизнь истинная не может быть такою». С древнейших времен сказал себе это человек, и это внутреннее противоречие жизни человека с необычайной силой и ясностью было выражено и Индийскими, и Китайскими, и Египетскими, и Греческими, и Еврейскими мудрецами, и с древнейших времен разум человека был направлен на познание такого блага человека, которое не уничтожалось бы борьбой существ между собою, страданиями и смертью. В большем и большем уяснении этого несомненного, ненарушимого борьбою, страданиями и смертью блага человека и состоит всё движение вперед человечества с тех пор, как мы знаем его жизнь.

С самых древних времен и в самых различных народах великие учителя человечества открывали людям всё более и более ясные определения жизни, разрешающие ее внутреннее противоречие, и указывали им истинное благо и истинную жизнь, свойственные людям. А так как положение в мире всех людей одинаково, и потому одинаково для всякого человека противоречие его стремления к своему личному благу и сознания невозможности его, то одинаковы, по существу, и все определения истинного блага и потому истинной жизни, открытые людям величайшими умами человечества.

«Жизнь – это распространение того света, который для блага людей сошел в них с неба», сказал Конфуций за 600

лет до Р. Х.

«Жизнь – это странствование и совершенствование душ, достигающих всё большего и большего блага», сказали брамины того же времени. «Жизнь – это отречение от себя для достижения блаженной нирваны», сказал Будда, современник Конфуция. «Жизнь – это путь смирения и унижения для достижения блага», сказал Лао-Дзи, тоже современник Конфуция. «Жизнь – это то, что вдунул Бог в ноздри человека, для того, чтобы он, исполняя его закон, получил благо», говорит Еврейская мудрость. «Жизнь – это подчинение разуму, дающее благо человеку», сказали стоики. «Жизнь – это любовь к Богу и ближнему, дающая благо человеку», сказал Христос, включая в свое определение все предшествующие.

Таковы определения жизни, которые за тысячи лет до нас, указывая людям вместо ложного и невозможного блага личности действительное, неуничтожимое благо, разрешают противоречие человеческой жизни и дают ей разумный смысл. Можно не соглашаться с этими определениями жизни, можно предполагать, что определения эти могут быть выражены точнее и яснее, но нельзя не видеть того, что определения эти таковы, что признание их, уничтожая противоречие жизни и заменяя стремление к недостижимому благу личности другим стремлением – к неуничтожаемому страданиями и смертью благу, дает жизни разумный смысл. Нельзя не видеть и того, что определения эти, будучи теоретически верны, подтверждаются и опытом жизни, и что миллионы и

миллионы людей, признававшие и признающие такие определения жизни, на деле показывали и показывают возможность замены стремления к благу личности другим стремлением к благу такому, которое не нарушается страданиями и смертью.

Но кроме тех людей, которые понимали и понимают определения жизни, открытые людям великими просветителями человечества, и живут ими, всегда было и есть огромное большинство людей, которые в известный период жизни, а иногда во всю свою жизнь, жили и живут одной животной жизнью, не только не понимая тех определений, которые служат разрешением противоречия человеческой жизни, но не видя даже и того противоречия ее, которое они разрешают. И всегда были и теперь есть среди этих людей еще такие люди, которые вследствие своего внешнего исключительно положения считают себя призванными руководить человечеством и сами, не понимая смысла человеческой жизни, учили и учат других людей жизни, которой они не понимают: тому, что жизнь человеческая есть не что иное, как личное существование.

Такие ложные учителя существовали во все времена и существуют и в наше время. Одни исповедуют на словах учения тех просветителей человечества, в преданиях которых они воспитаны, но, не понимая их разумного смысла, обращают эти учения в сверхъестественные откровения о прошедшей и будущей жизни людей и требуют только исполне-

ния обрядов. Это учение фарисеев в самом широком смысле, т. е. людей, учащих тому, что сама в себе неразумная жизнь может быть исправлена верою в другую жизнь, приобретаемую исполнением внешних обрядов.

Другие, непризнающие возможности никакой другой жизни, кроме видимой, отрицают всякие чудеса и всё сверхъестественное и смело утверждают, что жизнь человека есть не что иное, как его животное существование от рождения и до смерти. Это учение книжников, – людей, учащих тому, что в жизни человека, как животного, и нет ничего неразумного.

И те и другие лжеучители, несмотря на то, что учения и тех и других основаны на одном и том же грубом непонимании основного противоречия человеческой жизни, всегда враждовали и враждуют между собой. Оба учения эти царствуют в нашем мире и, враждуя друг с другом, наполняют мир своими спорами, – этими самыми спорами скрывая от людей те определения жизни, открывающие путь к истинному благу людей, которые уже за тысячи лет даны человечеству.

Фарисеи, не понимая того определения жизни, которое дано людям теми учителями, в преданиях которых они воспитаны, заменяют его своими лжетолкованиями о будущей жизни и вместе с тем стараются скрыть от людей определения жизни других просветителей человечества, выставляя их перед своими учениками в самом их грубом и жестоком

извращении, полагая тем поддержать исключительный авторитет того учения, на котором они основывают свои толкования.¹

Книжники же, и не подозревая в фарисейских учениях тех разумных основ, на которых они возникли, прямо отрицают всякие учения о будущей жизни и смело утверждают, что все эти учения не имеют никакого основания, а суть только остатки грубых обычаев невежества, и что движение вперед человечества состоит в том, чтобы не задавать себе никаких вопросов о жизни, выходящих за пределы животного существования человека.

¹ Единство разумного смысла определений жизни других просветителей человечества не представляется им лучшим доказательством истинности их учения, так как оно подрывает доверие к тем неразумным толкованиям, которыми они заменяют сущность учения.

Глава III.

ЗАБЛУЖДЕНИЯ КНИЖНИКОВ.

И удивительное дело! То, что все учения великих умов человечества так поражали людей своим величием, что грубые люди придавали им большей частью сверхъестественный характер и признавали основателей их полубогами, – то самое, что служит главным признаком значительности этих учений, – это самое обстоятельство и служит для книжников лучшим, как им кажется, доказательством неправильности и отсталости этих учений. То, что незначительные учения Аристотеля, Бэкона, Конта и других оставались и остаются всегда достоянием малого числа их читателей и почитателей и по своей ложности никогда не могли влиять на массы и потому не подверглись суеверным искажениям и наростам, этот-то признак незначительности их признается доказательством их истинности. Учения же Браминов, Будды, Зороастра, Лаодзы, Конфуция, Исаии, Христа, считаются суевериями и заблуждениями только потому, что эти учения переворачивали жизнь миллионов.

То, что по этим суевериям жили и живут миллиарды людей, потому что даже и в искаженном виде они дают людям ответы на вопросы об истинном благе жизни, то, что уче-

ния эти не только разделяются, но служат основой мышления лучших людей всех веков, а что теории, признаваемые книжниками, разделяются только ими самими, всегда оспариваются и не живут иногда и десятков лет, и забываются так же быстро, как возникают, не смущает их нисколько.

Ни в чем с такою яркостью не выражается то ложное направление знания, которому следует современное общество, как то место, которое занимают в этом обществе учения тех великих учителей жизни, по которым жило и образовывалось и продолжает жить и образовываться человечество. В календарях значится, в отделе статистических сведений, что вер, исповедуемых теперь обитателями земного шара, – 1000. В числе этих вер предполагаются Буддизм, Брамаизм, Конфуцианство, Таосизм и Христианство. – Вер 1000, и люди нашего времени совершенно искренно верят в это. Вер 1000, все они вздор, – что же их изучать? И люди нашего времени за стыд считают, если они не знают последних изречений мудрости Спенсера, Гельмгольца и других, но о Брами-нах, Будде, Конфуции, Менции, Лао-дзы, Эпиктете, Исаии иногда знают имена, а иногда и того не знают. Им и в голову не приходит, что вер, исповедуемых в наше время, вовсе не тысяча, а только три: китайская, индийская и еврейско-христианская (с своим отростком магометанством), и что книги этих вер можно купить за 5 руб. и прочесть в две недели, и что в этих книгах, по которым жило и теперь живет всё человечество, за исключением 0,07 почти неизвестных нам,

заключена вся мудрость человеческая, всё то, что сделало человечество таким, какое оно есть. Но мало того, что толпа не знает этих учений, – ученые не знают их, если это не их специальность; философы по профессии не считают нужным заглядывать в эти книги. Да и зачем изучать тех людей, которые разрешали сознаваемое разумным человеком противоречие его жизни и определяли истинное благо и жизнь людей? Книжники, не понимая того противоречия, которое составляет начало разумной жизни, смело утверждают, что так как они его не видят, то противоречия и нет никакого, и что жизнь человека есть только его животное существование.

Зрячие понимают и определяют то, что видят перед собой, – слепой тыкает перед собою палкой и утверждает, что и нет ничего, кроме того, что показывает ему ощупь палки.

Глава IV.

УЧЕНИЕ КНИЖНИКОВ ПОД ПОНЯТИЕ ВСЕЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА ПОДСТАВЛЯЕТ ВИДИМЫЕ ЯВЛЕНИЯ ЕГО ЖИВОТНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ И ИЗ НИХ ДЕЛАЕТ ВЫВОДЫ О ЦЕЛИ ЕГО ЖИЗНИ.

«Жизнь – это то, что делается в живом существе со времени его рождения и до смерти. Родится человек, собака, лошадь, у каждого свое особенное тело, и вот живет это особенное его тело, а потом умрет; тело разложится, пойдет в другие существа, а того прежнего существа не будет. Была жизнь и кончилась жизнь; бьется сердце, дышат легкие, тело не разлагается, значит жив человек, собака, лошадь; перестало биться сердце, кончилось дыхание, стало разлагаться тело – значит умер, и нет жизни. Жизнь и есть то, что происходит в теле человека, так же как и животного, в промежуток времени между рождением и смертью. Что может быть яснее?» Так смотрели и всегда смотрят на жизнь самые грубые, невежественные люди, едва выходящие из животного состояния. И вот в наше время учение книжников, называющее себя наукой, признает это самое грубое первобытное

представление о жизни единым истинным. Пользуясь всеми теми орудиями внешнего знания, которые приобрело человечество, ложное учение это систематически хочет вести назад людей в тот мрак невежества, из которого с таким напряжением и трудом оно выбивалось столько тысяч лет.

Жизнь мы не можем определить в своем сознании, говорит это учение. Мы заблуждаемся, рассматривая ее в себе. То понятие о благе, стремление к которому в нашем сознании составляет нашу жизнь, есть обманчивый призрак, и жизнь нельзя понимать в этом сознании. Чтобы понять жизнь, надо только наблюдать ее проявления, как движение вещества. Только из этих наблюдений и выведенных из них законов мы найдем и закон самой жизни, и закон жизни человека.²

² Наука настоящая, знающая свое место и потому свой предмет, скромная и потому могущественная, никогда не говорила и не говорит этого. Наука физики говорит о законах и отношениях сил, не задаваясь вопросом о том, что есть сила, и не пытаясь объяснять сущность силы. Наука химии говорит об отношениях вещества, не задаваясь вопросом о том, что есть вещество, и не пытаясь определять его сущности. Наука биологии говорит о формах жизни, не задаваясь вопросом о том, что есть жизнь и не пытаясь определять ее сущности. И сила, и вещество, и жизнь принимаются истинными науками не как предметы изучения, а как взятые за аксиомы из другой области знания точки опоры, на которых, строится здание каждой отдельной науки. Так смотрит на предмет истинная наука, и эта наука не может иметь вредного, обращающего к невежеству, влияния на толпу. Но не так смотрит на свой предмет ложное мудрствование науки. «И вещество, и силу, и жизнь мы изучаем; а если мы изучаем их, то мы можем и познать их», говорят они, не соображая того, что они изучают не вещество, не силу, не жизнь, а только отношения и формы их.

И вот ложное учение, подставив под понятие всей жизни человека, известной ему в его сознании, видимую часть ее – животное существование, – начинает изучать эти видимые явления сначала в животном человеке, потом в животных вообще, потом в растениях, потом в веществе, постоянно утверждая при этом, что изучаются не некоторые проявления, а сама жизнь. Наблюдения так сложны, так многообразны, так запутанны, так много времени и усилия тратится на них, что люди понемногу забывают о первоначальной ошибке признания части предмета за весь предмет и под конец вполне убеждаются, что изучение видимых свойств вещества, растений и животных и есть изучение самой жизни, той жизни, которая, познается человеком только в его сознании.

Совершается нечто подобное тому, что делает показывающий что-нибудь на тени и желающий поддержать то заблуждение, в котором находятся его зрители.

«Не смотрите никуда, – говорит показывающий, – кроме как на ту сторону, где появляются отражения, и главное, не смотрите на самый предмет; ведь предмета и нет, а есть только отражение его».

Это самое и делает потворствующая грубой толпе ложная наука книжников нашего времени, рассматривая жизнь без главного определения ее, стремления к благу, открытого только в сознании человека.³ Исходя прямо из определения

³ См. прибавление первое в конце книги: О ложном определении жизни.

жизни независимо от стремления к благу, ложная наука наблюдает цели живых существ и, находя в них цели, чуждые человеку, навязывает их ему.

Целью живых существ представляется при этом внешнем наблюдении – сохранение своей личности, сохранение своего вида, воспроизведение себе подобных и борьба за существование, и эта самая воображаемая цель жизни навязывается и человеку.

Ложная наука, взявшая за исходную точку отсталое представление о жизни, при котором не видно то противоречие жизни человеческой, которое составляет главное ее свойство, – эта мнимая наука в своих последних выводах приходит к тому, чего требует грубое большинство человечества, – к признанию возможности блага одной личной жизни, к признанию для человека благом одного животного существования.

Ложная наука идет дальше даже требований грубой толпы, которым она хочет найти объяснение, – она приходит к утверждению того, что с первого проблеска своего отвергает разумное сознание человека, приходит к выводам о том, что жизнь человека, как и всякого животного, состоит в борьбе за существование личности, рода и вида.⁴

⁴ См. 2-е прибавление.

Глава V.

ЛЖЕУЧЕНИЯ ФАРИСЕЕВ И КНИЖНИКОВ НЕ ДАЮТ НИ ОБЪЯСНЕНИЯ СМЫСЛА НАСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ, НИ РУКОВОДСТВА В НЕЙ; ЕДИНСТВЕННЫМ РУКОВОДСТВОМ ЖИЗНИ ЯВЛЯЕТСЯ ИНЕРЦИЯ ЖИЗНИ, НЕ ИМЕЮЩАЯ РАЗУМНОГО ОБЪЯСНЕНИЯ.

«Жизнь определять нечего: всякий ее знает, вот и всё, и давайте жить», говорят в своем заблуждении люди, поддерживаемые ложными учениями. И не зная, что такое жизнь и ее благо, им кажется, что они живут, как может казаться человеку, несомому по волнам без всякого направления, что он плывет туда, куда ему надобно и хочется.

Родится ребенок в нужде или роскоши и получает воспитание фарисейское или книжническое. Для ребенка, для юноши не существует еще противоречия жизни и вопроса о ней, и потому ни объяснение фарисеев, ни объяснение книжников не нужны ему и не могут руководить его жизнью. Он учится одним примером людей, живущих вокруг него, и пример этот, и фарисеев и книжников, одинаков: и те и другие живут только для блага личной жизни, и тому же поучают и

его.

Если родители его в нужде, он узнает от них, что цель жизни – приобретение побольше хлеба и денег и как можно меньше работы, для того, чтобы животной личности было как можно лучше. Если он родился в роскоши, он узнает, что цель жизни – богатство и почести, чтобы как можно приятнее и веселее проводить время.

Все знания, которые приобретает бедный, нужны для него только ради того, чтобы улучшить благосостояние своей личности. Все знания науки и искусств, которые приобретает богатый, несмотря на все высокие слова о значении науки и искусств, нужны ему только для того, чтобы побороть скуку и провести приятно время. Чем дольше живет и тот и другой, тем сильнее и сильнее всасывается в них царствующий взгляд людей мира. Они вступают в брак, заводятся семьей, и жадность к приобретению благ животной жизни усиливается оправданием семьи: борьба с другими ожесточается и устанавливается (инерция) привычка жизни только для блага личности.

Если и западет тому или другому, бедному или богатому, сомнение в разумности такой жизни, если тому и другому представится вопрос о том, зачем эта бесцельная борьба за свое существование, которое будут продолжать мои дети, или зачем эта обманчивая погоня за наслаждениями, которые кончаются страданиями для меня и для моих детей, то нет почти никакого вероятия, чтобы он узнал те определе-

ния жизни, которые давным-давно даны были человечеству его великими учителями, находившимися, за тысячи лет до него, в том же положении. Учения фарисеев и книжников так плотно заслоняют их, что редкому удастся увидеть их. Одни – фарисеи – на вопрос о том: «зачем эта бедственная жизнь?» – отвечают: «жизнь бедственна и всегда была и должна быть такою; благо жизни не в ее настоящем, а в ее прошедшем – до жизни, и будущем – после жизни». И Браминские, и Буддийские, и Таасийские, и Еврейские, и Христианские фарисеи говорят всегда одно и то же. Жизнь настоящая – зло, и объяснение этого зла в прошедшем – в появлении мира и человека; исправление же существующего зла – в будущем, за гробом. Всё, что может сделать человек для приобретения блага, не в этой, но в будущей жизни, это верить в то учение, которое мы преподаем вам, – исполнять обряды, которые мы предписываем.

И сомневающийся, видя на жизни всех людей, живущих для личного блага, и на жизни самих фарисеев, живущих для того же, неправду этого объяснения, не углубляясь в смысл их ответа, прямо не верит им и обращается к книжникам. «Все учения о другой какой-то жизни, чем та, какую мы видим в животной, есть плод невежества, говорят книжники. Все твои сомнения в разумности твоей жизни суть праздные мечтания. Жизнь миров, земли, человека, животного, растения имеет свои законы, и мы изучаем их, мы исследуем происхождение миров и человека, животных и растений, и всего

вещества; мы исследуем и то, что ожидает миры, как остынет солнце и т. п., и что было и будет с человеком и со всяким животным и растением. Мы можем показать и доказать, что всё так было и будет, как мы говорим; наши исследования, кроме того, содействуют улучшению благосостояния человека. О жизни же твоей, с твоим стремлением к благу, мы ничего тебе сказать не можем, кроме того, что ты и без нас знаешь: живешь, так и живи, как получше».

И сомневающийся, не получив на свой вопрос никакого ответа ни от тех, ни от других, остается, как и был прежде, без всякого руководства в жизни, кроме побуждений своей личности.

Одни из сомневающихся, по рассуждению Паскаля, сказав себе: «а что как правда всё то, чем пугают фарисеи за неисполнение их предписаний», исполняют в свободное время все предписания фарисеев (потери не будет, а выгода может быть большая), а другие, соглашаясь с книжниками, прямо отрицают всякую другую жизнь и всякие религиозные обряды и говорят себе: «не я один, а все так жили и живут, — что будет, то будет». И это различие не дает ни тем, ни другим никакого преимущества: и те и другие остаются без всякого объяснения смысла их настоящей жизни.

А жить надо.

Жизнь человеческая есть ряд поступков от вставанья до постели; каждый день человек должен не переставая выбирать из сотни возможных для него поступков те, которые он

сделает. Ни учение фарисеев, объясняющее тайны небесной жизни, ни учение книжников, исследующее происхождение миров и человека, и делающее заключение о будущей судьбе их, не дает такого руководства поступков. А без руководства в выборе своих поступков человек не может жить. И вот тут-то человек, волей-неволей, подчиняется уже не рассуждению, а тому внешнему руководству жизни, которое всегда существовало и существует в каждом обществе людей.

Руководство это не имеет никакого разумного объяснения, но оно-то и движет огромным большинством поступков всех людей. Руководство это есть привычка жизни обществ людей, тем сильнее властвующая над людьми, чем меньше у людей понимания смысла своей жизни. Руководство это не может быть определенно выражено, потому что слагается оно из самых разнообразных, по времени и месту, дел и поступков. Это: свечки на дощечках родителей для Китайцев; это – паломничество к известным местам магометанина, – известное количество молитвенных слов для Индейца; это – верность своему знамени и честь мундира для военного, дуэль для светского человека, кровомщение для горца; это – известные кушанья в известные дни, известного рода воспитание своих детей; это – визиты, известное убранство жилищ, известные празднованья похорон, родин, свадеб. Это: бесчисленное количество дел и поступков, наполняющих всю жизнь. Это – то, что называется приличием, обычаем, а чаще всего долгом и даже священным долгом.

И вот этому-то руководству, помимо объяснений жизни фарисеев и книжников, и подчиняется большинство людей. Везде вокруг себя с детства человек видит людей, с полной уверенностью и внешнею торжественностью исполняющих эти дела, и, не имея никакого разумного объяснения своей жизни, человек не только начинает делать такие же дела, но этим делам старается приписать разумный смысл. Ему хочется верить, что люди, делающие эти дела, имеют объяснение того, для чего и почему они делают то, что делают. И он начинает убеждать себя, что дела эти имеют разумный смысл и что объяснение их смысла если и не вполне известно ему, то известно другим людям. Но большинство других людей, не имея также разумного объяснения жизни, находятся совершенно в том же положении, как и он. Они делают эти дела только потому, что им кажется, что другие, имея объяснение этих дел, требуют их от них. И так, невольно обманывая друг друга, люди всё больше и больше не только привыкают делать дела, не имеющие разумного объяснения, но привыкают приписывать этим делам какой-то таинственный, непонятный для них самих смысл. И чем меньше они понимают смысл исполняемых ими дел, чем сомнительнее для них самих эти дела, тем больше приписывают они им важности и тем с большей торжественностью исполняют их. И богатый и бедный исполняют то, что делают вокруг них другие, и дела эти называют своим долгом, священным долгом, успокоивая себя тем, что то, что делается так давно, таким большим

количеством людей и так высоко ценится ими, не может не быть настоящим делом жизни. И до глубокой старости, до смерти доживают люди, стараясь уверить себя, что если они сами не знают, зачем они живут, то это знают другие – те самые, которые точно так же мало знают это, как и те, которые на них полагаются.

Приходят в существование, рождаются, вырастают новые люди и, глядя на эту сутолоку существования, называемую жизнью, в которой принимают участие старые, седые, почтенные, окружаемые уважением люди, уверяются, что эта-то безумная толкотня и есть жизнь, и другой никакой нет, и уходят, потолкавшись у дверей ее. Так, невидавший никогда собрания человек, увидав теснящуюся, шумящую, оживленную толпу у входа, и решив, что это и есть самое собрание, потолкавшись у дверей, уходит домой с помятыми боками и с полной уверенностью, что он был в собрании.

Прорезываем горы, облетаем мир; электричество, микроскопы, телефоны, войны, парламент, филантропия, борьба партий, университеты, ученые общества, музеи..... Это ли не жизнь?

Вся сложная, кипучая деятельность людей с их торговлей, войнами, путями сообщения, наукой, искусствами есть большей частью только давка обезумевшей толпы у дверей жизни.

Глава VI.

РАЗДВОЕНИЕ СОЗНАНИЯ В ЛЮДЯХ НАШЕГО МИРА.

«Но истинно, истинно, говорю вам: наступает время и настало уже, когда мертвые услышат глас сына Божия и, услышав, оживут». И время это приходит. Сколько бы ни уверял себя человек, и сколько бы ни уверяли его в этом другие, что жизнь может быть благою и разумною только за гробом, или что одна личная жизнь может быть благою и разумною, — человек не может верить в это. Человек имеет в глубине души своей неизгладимое требование того, чтобы жизнь его была благом и имела разумный смысл, а жизнь, не имеющая перед собой никакой другой дели, кроме загробной жизни или невозможного блага личности, есть зло и бессмыслица.

Жить для будущей жизни? говорит себе человек. Но если та жизнь, тот единственный образчик жизни, который я знаю, — моя теперешняя жизнь, — должна быть бессмысленной, то это не только не утверждает меня в возможности другой, разумной жизни, но, напротив, убеждает меня в том, что жизнь по существу своему бессмысленна, что никакой другой, кроме бессмысленной жизни, и быть не может.

Жить для себя? Но ведь моя жизнь личная есть зло и бес-

смыслица. Жить для своей семьи? Для своей общины? Отечества, человечества даже? Но если жизнь моей личности бедственна и бессмысленна, то так же бессмысленна и жизнь всякой другой человеческой личности, и потому бесконечное количество собранных вместе бессмысленных и неразумных личностей не составят и одной блаженной и разумной жизни. Жить самому, не зная зачем, делая то, что делают другие? Да ведь я знаю, что другие, так же как и я, не знают сами, зачем они делают то, что делают.

Приходит время, когда разумное сознание перерастает ложные учения, и человек останавливается посреди жизни и требует объяснения.⁵

Только редкий человек, не имеющий сношений с людьми других образов жизни, и только человек, постоянно занятый напряженной борьбой с природой для поддержания своего телесного существования, может верить в то, что исполнение тех бессмысленных дел, которые он называет своим долгом, может быть свойственным ему долгом его жизни.

Наступает время и наступило уже, когда обман, выдающий отрицание – на словах – этой жизни, для приготовления себе будущей, и признание одного личного животного существования за жизнь и так называемого долга за дело жизни, – когда обман этот становится ясным для большинства людей, и только забитые нуждой и отупевшие от похотливой жизни люди могут еще существовать, не чувствуя бессмысленности

⁵ См. 3-е прибавление в конце книги.

и бедственности своего существования.

Чаще и чаще просыпаются люди к разумному сознанию, оживают в гробах своих, – и основное противоречие человеческой жизни, несмотря на все усилия людей скрыть его от себя, со страшной силой и ясностью становится перед большинством людей.

«Вся жизнь моя есть желание себе блага», говорит себе человек пробудившийся, – «разум же мой говорит мне, что блага этого для меня быть не может, и что бы я ни делал, чего бы ни достигал, всё кончится одним и тем же: страданиями и смертью, уничтожением. Я хочу блага, я хочу жизни, я хочу разумного смысла, а во мне и во всем меня окружающем – зло, смерть, бессмыслица.. Как быть? Как жить? Что делать?» И ответа нет.

Человек оглядывается вокруг себя и ищет ответа на свой вопрос и не находит его. Он найдет вокруг себя учения, которые ответят ему на вопросы, которых он и не делает себе, но ответа на вопрос, который он ставит себе, нет в окружающем мире. Есть одна суeta людей, делающих, сами не зная зачем, дела, которые другие делают, сами не зная зачем.

Все живут, как будто и не сознавая бедственности своего положения и бессмысленности своей деятельности. «Или *они* безумны, или я, – говорит себе проснувшийся человек. Но все не могут быть безумны, стало-быть, безумен-то я. Но нет, – то разумное я, которое говорит мне это, не может быть безумно. Пускай оно будет одно против всего мира, но я не

могу не верить ему».

И человек сознает себя одним во всем мире с теми страшными вопросами, которые разрывают его душу. А жить надо.

Одно я, его личность, велит ему жить.

А другое я, его разум, говорит: «жить нельзя».

Человек чувствует, что он раздвоился. И это раздвоение мучительно раздирает душу его.

И причиной этого раздвоения и страдания ему кажется его разум.

Разум, та высшая способность человека, необходимая для его жизни, которая дает ему, нагому, беспомощному человеку, среди разрушающих его сил природы, – и средства к существованию и средства к наслаждению, – эта-то способность отравляет его жизнь.

Во всем окружающем мире, среди живых существ, свойственные этим существам способности нужны им, общи всем им и содействуют их благу. Растения, насекомые, животные, подчиняясь своему закону, живут блаженной, радостной, спокойной жизнью. И вдруг в человеке это высшее свойство его природы производит в нем такое мучительное состояние, что часто, – всё чаще и чаще в последнее время, – человек разрубает Гордиев узел своей жизни, убивает себя, только бы избавиться от доведенного в наше время до последней степени напряжения мучительного внутреннего противоречия, производимого разумным сознанием.

Глава VII.

РАЗДВОЕНИЕ СОЗНАНИЯ ПРОИСХОДИТ ОТ СМЕШЕНИЯ ЖИЗНИ ЖИВОТНОГО С ЖИЗНЬЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ.

Человеку кажется, что пробудившееся в нем разумное сознание разрывает и останавливает его жизнь только потому, что он признает своей жизнью то, что не было, не есть и не могло быть его жизнью.

Воспитавшись и выросши в ложных учениях нашего мира, утвердивших его в уверенности, что жизнь его есть не что иное, как его личное существование, начавшееся с его рождением, человеку кажется, что он жил, когда был младенцем, ребенком; потом ему кажется, что он не переставая жил, будучи юношей и возмужалым человеком. Он жил, как ему кажется, очень давно, и всё время не переставая жил, и вот вдруг дожил до того времени, когда ему стало несомненно ясно, что жить так, как он жил прежде, нельзя, и что жизнь его останавливается и разрывается.

Ложное учение утвердило его в мысли, что жизнь его есть период времени от рождения до смерти; и, глядя на видимую жизнь животных, он смешал представление о видимой жиз-

ни с своим сознанием и совершенно уверился в том, что эта видимая им жизнь и есть его жизнь.

Пробудившееся в нем разумное сознание, заявив такие требования, которые неудовлетворимы для жизни животной, указывает ему ошибочность его представления о жизни; но введшееся в него ложное учение мешает ему признать свою ошибку: он не может отказаться от своего представления о жизни, как животного существования, и ему кажется, что жизнь его остановилась от пробуждения разумного сознания. Но то, что он называет своей жизнью, – то, что ему кажется остановившимся, никогда и не существовало. То, что он называет своей жизнью, его существование от рождения, никогда и не было его жизнью; представление его о том, что он жил всё время от рождения и до настоящей минуты, есть обман сознания, подобный обману сознания при сновидениях: до пробуждения не было никаких сновидений, они все сложились в момент пробуждения. До пробуждения разумного сознания не было никакой жизни, представление о прошедшей жизни сложилось при пробуждении разумного сознания.

Человек жил как животное во время ребячества и ничего не знал о жизни. Если бы человек прожил десять месяцев, он бы ничего не знал ни о своей, ни о какой бы то ни было жизни; так же мало знал бы о жизни, как и тогда, когда бы он умер в утробе матери. И не только младенец, но и неразумный взрослый, и совершенный идиот не могут знать про

то, что они живут и живут другие существа. И потому они и не имеют человеческой жизни.

Жизнь человеческая начинается только с проявления разумного сознания, – того самого, которое открывает человеку одновременно и свою жизнь, и в настоящем и в прошедшем, и жизнь других личностей, и всё, неизбежно вытекающее из отношений этих личностей, страдания и смерть, – то самое, что производит в нем отрицание блага личной жизни и противоречие, которое, ему кажется, останавливает его жизнь.

Человек хочет определять свою жизнь временем, как он определяет видимое им существование вне себя, и вдруг в нем пробуждается жизнь, не совпадающая с временем его плотского рождения, и он не хочет верить тому, что то, что не определяется временем, может быть жизнью. Но сколько бы ни искал человек во времени той точки, с которой бы он мог считать начало своей разумной жизни, он никогда не найдет ее.⁶

⁶ Нет ничего обыкновеннее, как слышать рассуждения о зарождении и развитии жизни человеческой и жизни вообще во времени. Людям, рассуждающим так, кажется, что они стоят на самой твердой почве действительности, а между тем нет ничего фантастичнее рассуждений о развитии жизни во времени. Рассуждения эти подобны тому, что бы делал человек, который, желая измерять линию, не откладывает бы меру от той одной известной ему точки, на которой он стоит, а на бесконечной линии брал бы на различных от себя неопределенных расстояниях воображаемые точки и от них бы измерял пространство до себя. Разве не то же самое делают люди, рассуждая о зарождении и развитии жизни в человеке? В самом деле, где взять на этой бесконечной линии, каковую пред-

В своих воспоминаниях он никогда не найдет этой точки, этого начала разумного сознания. Ему представляется, что разумное сознание всегда было в нем. Если же он и находит нечто, подобное началу этого сознания, то он находит его уже никак не в своем плотском рождении, а в области, не имеющей ничего общего с этим плотским рождением. Он сознает свое разумное происхождение вовсе не таким, каким ему видится его плотское рождение. Спрашивая себя о происхождении своего разумного сознания, человек никогда не представляет себе, чтобы он, как разумное существо, был сын своего отца, матери и внук своих дедов и бабок, родившихся в таком-то году, а он сознает себя всегда не то, что сыном, но слитым в одно с сознанием самых чуждых ему по времени и месту разумных существ, живших иногда за тысячи лет и на другом конце света. В разумном сознании своем человек не видит даже никакого происхождения себя, а сознает свое вневременное и внепространственное слияние с другими разумными сознаниями, так что они входят в него и он в них. Это-то пробудившееся в человеке разумное сознание и останавливает как будто то подобие жизни, которое заблудшие люди считают жизнью: заблудшим людям кажется, что жизнь их останавливается именно тогда, когда она

ставляется развитие – из прошедшего – жизни человека, ту произвольную точку, с которой можно начать фантастическую историю развития этой жизни. В рождении или зарождении ребенка, или его родителей, или еще дальше в первобытном животном и протоплазме, в первом оторвавшемся от солнца куске? Ведь все рассуждения эти будут самые произвольные фантазии – измерения без меры.

пробуждается.

Глава VIII.

РАЗДВОЕНИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ НЕТ, ОНО ЯВЛЯЕТСЯ ТОЛЬКО ПРИ ЛОЖНОМ УЧЕНИИ.

Только ложное учение о человеческой жизни, как о существовании животного от рождения до смерти, в котором воспитываются и поддерживаются люди, производит то мучительное состояние раздвоения, в которое вступают люди при обнаружении в них их разумного сознания.

Человеку, находящемуся в этом заблуждении, кажется, что жизнь раздваивается в нем.

Человек знает, что жизнь его одна, а чувствует их две. Человек, перекрутив два пальца и между ними катая шарик, знает, что шарик один, но чувствует их два. Нечто подобное происходит с человеком, усвоившим ложное представление о жизни.

Разум человека ложно направлен. Его научили признавать жизнью одно свое плотское личное существование, которое не может быть жизнью.

С таким ложным представлением о воображаемой жизни он взглянул на жизнь и увидел их две – ту, которую он вооб-

ражал себе, и ту, которая действительно есть.

Такому человеку кажется, что отрицание разумным сознанием блага личного существования и требование другого блага есть нечто болезненное и неестественное.

Но для человека, как разумного существа, отрицание возможности личного блага и жизни есть неизбежное последствие условий личной жизни и свойства разумного сознания, соединенного с нею. Отрицание блага и жизни личности есть для разумного существа такое же естественное свойство его жизни, как для птицы летать на крыльях, а не бегать ногами. Если не оперившийся птенец бегает ногами, то это не доказывает того, чтобы ему несвойственно было летать. Если мы вне себя видим людей с непробудившимся сознанием, полагающих свою жизнь в благе личности, то это не доказывает того, чтобы человеку было несвойственно жить разумною жизнью. Пробуждение человека к его истинной, свойственной ему жизни происходит в нашем мире с таким болезненным напряжением только от того, что ложное учение мира старается убедить людей в том, что призрак жизни есть сама жизнь и что проявление истинной жизни есть нарушение ее.

С людьми в нашем мире, вступающими в истинную жизнь, случается нечто подобное тому, что бы было с девушкой, от которой были бы скрыты свойства женщины. Почувствовав признаки половой зрелости, такая девушка приняла бы то состояние, которое призывает ее к будущей семейной жизни, с обязанностями и радостями матери, за болезненное

и неестественное состояние, которое привело бы ее в отчаяние. Подобное же отчаяние испытывают люди нашего мира при первых признаках пробуждения к истинной человеческой жизни.

Человек, в котором проснулось разумное сознание, но который вместе с тем понимает свою жизнь только как личную, находится в том же мучительном состоянии, в котором находилось бы животное, которое, признав своей жизнью движение вещества, не признавало бы своего закона личности, а только видело бы свою жизнь в подчинении себя законам вещества, которые совершаются и без его усилия. Такое животное испытывало бы мучительное внутреннее противоречие и раздвоение. Подчиняя себя одним законам вещества, оно видело бы свою жизнь в том, чтобы лежать и дышать, но личность требовала бы от него другого: кормления себя, продолжения рода, – и тогда животному казалось бы, что оно испытывает раздвоение и противоречие. «Жизнь», думало бы оно, в том, чтобы подчиняться законам тяжести, т. е. не двигаться, лежать и подчиняться происходящим в теле химическим процессам, а вот я делаю это, а еще надо двигаться, питаться, искать самца или самку».

Животное страдало бы и видело бы в этом состоянии мучительное противоречие и раздвоение. То же происходит и с человеком, наученным признавать низший закон своей жизни, животную личность, законом своей жизни. Высший закон жизни, закон его разумного сознания, требует от него

другого; вся же окружающая жизнь и ложные учения удерживают его в обманчивом сознании, и он чувствует противоречие и раздвоение.

Но как животному для того, чтобы перестать страдать, нужно признавать своим законом не низший закон вещества, а закон своей личности и, исполняя его, пользоваться законами вещества для удовлетворения целей своей личности, так точно и человеку стоит признать свою жизнь не в низшем законе личности, а в высшем законе, включающем первый закон, – в законе, открытом ему в его разумном сознании, – и уничтожится противоречие, и личность будет свободно подчиняться разумному сознанию и будет служить ему.

Глава IX.

РОЖДЕНИЕ ИСТИННОЙ ЖИЗНИ В ЧЕЛОВЕКЕ.

Рассматривая во времени, наблюдая проявление жизни в человеческом существе, мы видим, что истинная жизнь всегда хранится в человеке, как она хранится в зерне, и наступает время, когда жизнь эта обнаруживается. Обнаружение истинной жизни состоит в том, что животная личность влечет человека к своему благу, разумное же сознание показывает ему невозможность личного блага и указывает какое-то другое благо. Человек вглядывается в это, в отдалении указываемое ему, благо и не в силах видеть его, сначала не верит этому благу и возвращается назад к личному благу; но разумное сознание, которое указывает так неопределенно свое благо, так несомненно и убедительно показывает невозможность личного блага, что человек опять отказывается от личного блага и опять вглядывается в это новое, указываемое ему благо. Разумное благо не видно, но личное благо так несомненно уничтожено, что продолжать личное существование невозможно, и в человеке начинает устанавливаться новое отношение его животного к разумному сознанию. Человек начинает рождаться к истинной человеческой жизни.

Происходит нечто подобное тому, что происходит в вещественном мире при всяком рождении. Плод родится не потому, что он хочет родиться, что ему лучше родиться и что он знает, что хорошо родиться, а потому, что он созрел, и ему нельзя продолжать прежнее существование; он должен отдаться новой жизни не столько потому, что новая жизнь зовет его, сколько потому, что уничтожена возможность прежнего существования.

Разумное сознание, незаметно выростая в его личности, дорастает до того, что жизнь в личности становится невозможной.

Происходит совершенно то же, что происходит при зарождении всего. То же уничтожение зерна, прежней формы жизни, и проявление нового ростка; та же кажущаяся борьба прежней формы разлагающегося зерна и увеличение ростка, – и то же питание ростка на счет разлагающегося зерна. Различие для нас рождения разумного сознания от видимого нами плотского зарождения в том, что, тогда как в плотском рождении мы видим во времени и пространстве, из чего и как и когда и что рождается из зародыша, знаем, что зерно есть плод, что из зерна при известных условиях выйдет растение, что на нем будет цвет и потом плод такой же, как зерно (в глазах наших совершается весь круговорот жизни), – рост разумного сознания мы не видим во времени, не видим круговорота его. Не видим же мы роста разумного сознания и круговорота его потому, что мы сами совершаем его: наша

жизнь есть не что иное, как это рождение того невидимого нам существа, которое рождается в нас, и потому-то мы никак не можем видеть его.

Мы не можем видеть рождения этого нового существа, нового отношения разумного сознания к животному, так же как зерно не может видеть роста своего стебля. Когда разумное сознание выходит из своего скрытого состояния и обнаруживается для нас самих, нам кажется, что мы испытываем противоречие. Но противоречия нет никакого, как нет его в прорастающем зерне. В прорастающем зерне мы видим только, что жизнь, бывшая прежде в оболочке зерна, теперь уже в ростке его. Точно так же и в человеке с проснувшимся разумным сознанием нет никакого противоречия, а есть только рождение нового существа, нового отношения разумного сознания к животному.

Если человек существует, не зная, что другие личности живут, не зная, что наслаждения не удовлетворяют его, что он умрет, – он не знает даже и того, что *он* живет, и в нем нет противоречия.

Если же человек увидел, что другие личности – такие же, как и он, что страдания угрожают ему, что существование его есть медленная смерть: если его разумное сознание стало разлагать существование его личности, он уже не может ставить свою жизнь в этой разлагающейся личности, а неизбежно должен полагать ее в той новой жизни, которая открывается ему. И опять нет противоречия, как нет противоречия

в зерне, пустившем уже росток и потому разлагающемся.

Глава X.

РАЗУМ ЕСТЬ ТОТ СОЗНАВАЕМЫЙ ЧЕЛОВЕКОМ ЗАКОН, ПО КОТОРОМУ ДОЛЖНА СОВЕРШАТЬСЯ ЕГО ЖИЗНЬ.

Истинная жизнь человека, проявляющаяся в отношении его разумного сознания к его животной личности, начинается только тогда, когда начинается отрицание блага животной личности. Отрицание же блага животной личности начинается тогда, когда пробуждается разумное сознание.

Но что же такое это разумное сознание? Евангелие Иоанна начинается тем, что Слово, «Logos» (Логос – Разум, Мудрость, Слово), есть начало, и что в нем всё и от него всё; и что потому разум – то, что определяет всё остальное – ничем не может быть определяем.

Разум не может быть определяем, да нам и незачем определять его, потому что мы все не только знаем его, но только разум один и знаем. Общаясь друг с другом, мы вперед уверены, – больше, чем во всем другом – в одинаковой обязательности для всех нас общего этого разума. Мы убеждены, что разум и есть та единственная основа, которая соединяет всех нас, живущих, в одно. Разум мы знаем вернее и прежде

всего, так что всё, что мы знаем в мире, мы знаем только потому, что это познаваемое нами сходится с законами этого разума, несомненно известными нам. Мы знаем и нам нельзя не знать разума. Нельзя, потому что разум – это тот закон, по которому должны жить неизбежно разумные существа – люди. Разум для человека тот закон, по которому совершается его жизнь, – такой же закон, как и тот закон для животного, по которому оно питается и плодится, – как и тот закон для растения, по которому растет, цветет трава, дерево, – как и тот закон для небесного тела, по которому движутся земля и светила. И закон, который мы знаем в себе, как закон нашей жизни, есть тот же закон, по которому совершаются и все внешние явления мира, только с тою разницею, что в себе мы знаем этот закон как то, что мы сами должны совершать, – во внешних же явлениях как то, что совершается по этому закону без нашего участия. Всё, что мы знаем о мире, есть только видимое нами, вне нас совершающееся в небесных телах, в животных, в растениях, во всем мире, подчинение разуму. Во внешнем мире мы видим это подчинение закону разума; в себе же мы знаем этот закон как то, что сами должны совершать.

Обычное заблуждение о жизни состоит в том, что подчинение нашего животного тела своему закону, совершаемое не нами, но только видимое нами, принимается за жизнь человеческую, тогда как этот закон нашего животного тела, с которым связано наше разумное сознание, исполняется в на-

шем животном теле так же бессознательно для нас, как он исполняется в дереве, в кристалле, в небесном теле. Но закон нашей жизни – подчинение нашего животного тела разуму – есть тот закон, который мы нигде не видим, не можем видеть, потому что он не совершился еще, но совершается нами в нашей жизни. В исполнении этого закона, в подчинении своего животного закону разума, для достижения блага, и состоит наша жизнь. Не понимая того, что благо и жизнь наша состоят в подчинении своей животной личности закону разума, и принимая благо и существование своей животной личности за всю нашу жизнь, и отказываясь от предназначенной нам работы жизни, мы лишаем себя истинного нашего блага и истинной нашей жизни и на место ее подставляем то видимое нам существование нашей животной деятельности, которое совершается независимо от нас и потому не может быть нашей жизнью.

Глава XI.

ЛОЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯ.

Заблуждение, что видимый нами, на нашей животной личности совершающийся, закон и есть закон нашей жизни, есть старинное заблуждение, в которое всегда впадали и впадают люди. Заблуждение это, скрывая от людей главный предмет их познания, подчинение животной личности разуму для достижения блага жизни, ставит на место его изучение существования людей, независимо от блага жизни.

Вместо того, чтобы изучать тот закон, которому, для достижения своего блага, должна быть подчинена животная личность человека, и, только познав этот закон, на основании его изучать все остальные явления мира, ложное познание направляет свои усилия на изучение только блага и существования животной личности человека, без всякого отношения к главному предмету знания, – подчинению этой животной личности человека закону разума, для достижения блага истинной жизни.

Ложное познание, не имея в виду этого главного предмета знания, направляет свои силы на изучение животного существования прошедших и современных людей и на изучение условий существования человека вообще, как животно-

го. Ему представляется, что из этих изучений может быть найдено и руководство для блага жизни человеческой.

Ложное знание рассуждает так: люди существуют и существовали до нас; посмотрим, как они существовали, какие происходили во времени и пространстве изменения в их существовании, куда направляются эти изменения. Из этих исторических изменений их существования мы найдем закон их жизни.

Не имея в виду главной цели знания, – изучения того разумного закона, которому для его блага должна подчиняться личность человека, – так называемые ученые этого разряда самой целью, которую они ставят для своего изучения, изрекают приговор о тщете своего изучения. В самом деле: если существование людей изменяется только вследствие общих законов их животного существования, то изучение тех законов, которым оно и так подчиняется, совершенно бесполезно и праздно. Знают или не знают люди о законе изменения их существования, закон этот совершается точно так же, как совершается изменение в жизни кротов и бобров вследствие тех условий, в которых они находятся. Если же для человека возможно знание того разумного закона, которому должна быть подчинена его жизнь, то очевидно, что познание этого закона разума он нигде не может почерпнуть, кроме как там, где он и открыт ему: в своем разумном сознании. И потому, сколько бы ни изучали люди того, как *существовали* люди, как животные, они никогда не узнают о существовании че-

ловека ничего такого, чего само собой не происходило бы в людях и без этого знания; и никогда, сколько бы они ни изучали животного *существования* человека, не узнают они того закона, которому для блага его жизни должно быть подчинено это животное существование человека.

Это один разряд праздных людских рассуждений о жизни, называемых историческими и политическими науками.

Другой разряд особенно распространенных в наше время рассуждений, при которых уже совершенно теряется из вида единственный предмет познания, такой: рассматривая человека, как предмет наблюдения, мы видим, говорят ученые, что он так же питается, растет, плодится, стареется и умирает, как и всякое животное: но некоторые явления – психические (так они называют их) – мешают точности наблюдений, представляют слишком большую сложность, и потому, чтобы лучше понять человека, будем рассматривать его жизнь сперва в более простых проявлениях, подобных тем, которые мы видим в лишенных этой психической деятельности животных и растениях. Для этого мы будем рассматривать жизнь животных и растений вообще. Рассматривая же животных и растения, мы видим, что во всех них проявляются общие всем им еще более простые законы вещества. А так как законы животных проще, чем законы жизни человека, а законы растений еще проще, а законы вещества еще проще, то и исследования надо основывать на самом простом – на законах вещества. Мы видим, что то, что происходит в

растении и животном, то происходит точно так же и в человеке, говорят они, а потому мы заключаем, что всё то, что происходит в человеке, и объяснится нам из того, что происходит в самом простом, видимом нам и подлежащем нашим опытам мертвом веществе, — тем более, что все особенности деятельности человека находятся в постоянной зависимости от сил, действующих в веществе. Всякое изменение вещества, составляющего тело человека, изменяет и нарушает всю его деятельность. А потому, заключают они, законы вещества суть причины деятельности человека. Соображение же о том, что в человеке есть нечто такое, чего мы не видим ни в животных, ни в растениях, ни в мертвом веществе, и что это-то нечто и есть единственный предмет познания, без которого бесполезно всякое другое, не смущает их.

Не приходит им в голову, что, если изменение вещества в теле человека нарушает его деятельность, то это доказывает только то, что изменение вещества есть одна из причин, нарушающих деятельность человека, но никак не то, что движение вещества есть причина деятельности человека. Точно так же, как вред вынужтия земли из-под корней растения доказывает, что земля может быть и не быть везде, а не то, что растение есть только произведение земли. И они изучают в человеке то, что происходит и в мертвом веществе, и в растении, и в животном, предполагая, что уяснение законов явлений, сопутствующих жизни человека, может уяснить им самую жизнь человека.

Чтобы понять жизнь человека, т. е. тот закон, которому для блага человека должна быть подчинена его животная личность, люди рассматривают: или историческое существование, но не жизнь человека, или несознаваемое человеком, но только видимое ему подчинение и животного, и растения, и вещества разным законам, т. е. делают то же, что бы делали люди, изучающие положение неизвестных им предметов для того, чтобы найти ту неизвестную цель, которой им нужно следовать.

Совершенно справедливо то, что знание видимого нам проявления существования людей в истории может быть поучительно для нас; что точно так же может быть поучительно для нас и изучение законов животной личности человека и других животных, и поучительно изучение тех законов, которым подчиняется само вещество. Изучение всего этого важно для человека, показывая ему, как в отражении, то, что необходимо совершается в его жизни; но очевидно, что знание того, что уже совершается и видимо нами, как бы оно ни было полно, не может дать нам главного знания, которое нужно нам, — знания того закона, которому должна для нашего блага быть подчинена наша животная личность. Знание совершающихся законов поучительно для нас, но только тогда, когда мы признаем тот закон разума, которому должна быть подчинена наша животная личность, а не тогда, когда этот закон вовсе не признается.

Как бы хорошо дерево ни изучило (если бы оно могло изу-

чать) все те химические и физические явления, которые происходят в нем, оно из этих наблюдений и знаний никак не могло бы вывести для себя необходимости собирать соки и распределять их на рост ствола, листа, цветка и плода.

Точно так же и человек, как бы он хорошо ни знал закон, управляющий его животною личностью, и те законы, которые управляют веществом, эти законы не дадут ему ни малейшего указания на то, как ему поступить с тем куском хлеба, который у него в руках: отдать ли его жене, чужому, собаке, или самому съесть его, – защищать этот кусок хлеба или отдать тому, кто его просит. А жизнь человеческая только и состоит в решении этих и подобных вопросов.

Изучение законов, управляющих существованием животных, растений и вещества, не только полезно, но необходимо для уяснения закона жизни человека, но только тогда, когда изучение это имеет целью главный предмет познания человеческого: уяснение закона разума.

При предположении же о том, что жизнь человека есть только его животное существование, и что благо, указываемое разумным сознанием, невозможно, и что закон разума есть только призрак, такое изучение делается не только праздным, но и губительным, закрывая от человека его единственный предмет познания и поддерживая его в том заблуждении, что, исследуя отражение предмета, он может познать и предмет. Такое изучение подобно тому, что бы делал человек, внимательно изучая все изменения и движения

тени живого существа, предполагая, что причина движения живого существа заключается в изменениях и движениях его тени.

Глава XII.

ПРИЧИНА ЛОЖНОГО ЗНАНИЯ ЕСТЬ ЛОЖНАЯ ПЕРСПЕКТИВА, В КОТОРОЙ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ ПРЕДМЕТЫ.

Истинное знание состоит в том, чтобы знать, что мы знаем то, что знаем, и не знаем того, чего не знаем, сказал Конфуций. Ложное же – в том, чтобы думать, что мы знаем то, чего не знаем, и не знаем того, что знаем; и нельзя дать более точного определения того ложного познания, которое царствует среди нас. Ложным знанием нашего времени предполагается, что мы знаем то, чего мы не можем знать, и что мы не можем знать того, что одно только мы и знаем. Человеку с ложным знанием представляется, что он знает всё то, что является ему в пространстве и времени, и что он не знает того, что известно ему в его разумном сознании.

Такому человеку представляется, что благо вообще и его благо есть самый непознаваемый для него предмет. Почти столь же непознаваемым предметом представляется ему его разум, его разумное сознание; несколько более познаваемым предметом представляется ему он сам как животное; еще более познаваемыми предметами представляются ему жи-

вотные и растения, и наиболее познаваемым представляется ему мертвое, бесконечно-распространенное вещество.

Нечто подобное происходит с зрением человека. Человек всегда бессознательно направляет свое зрение преимущественно на предметы, наиболее отдаленные и потому кажущиеся ему самыми простыми по цвету и очертаниям: на небо, горизонт, далекие поля, леса. Предметы эти представляются тем более определенными и простыми, чем более они удалены, и, наоборот, чем ближе предмет, тем сложнее его очертания и цвет.

Если бы человек не умел определять расстояние предметов, не смотрел бы, располагая предметы в перспективе, а признавал бы бóльшую простоту и определенность очертаний и цвета предмета большей степенью видимости, то самым простым и видимым для такого человека представлялось бы бесконечное небо, потом уже менее видимыми предметами представлялись бы для него сложные очертания горизонта, потом еще менее видимыми представлялись бы ему еще более сложные по цветам и очертаниям дома, деревья, потом еще менее видимым представлялась бы ему своя движущаяся пред глазами рука, и самым невидимым представлялся бы ему свет.

Разве не то же самое и с ложным познанием человека? То, что несомненно известно ему, – его разумное сознание – кажется ему непознаваемым, потому что оно не просто, а то, что несомненно непостижимо для него – безграничное и

вечное вещество, – то и кажется ему самым познаваемым, потому что оно по отдалению своему от него кажется ему просто.

Ведь это как раз наоборот. Прежде всего и несомненное всего всякий человек может знать и знает то благо, к которому он стремится; потом так же несомненно он знает тот разум, который указывает ему это благо, потом уже он знает свое животное, подчиненное этому разуму, и потом уже видит, но не знает, все другие явления, представляющиеся ему в пространстве и времени.

Только человеку с ложным представлением о жизни кажется, что он знает предметы тем лучше, чем точнее они определяются пространством и временем; в действительности же мы знаем вполне только то, что не определяется ни пространством, ни временем – благо и закон разума. Внешние же предметы мы знаем тем менее, чем менее в познании участвует наше сознание, вследствие чего предмет определяется только своим местом в пространстве и времени. И потому, чем исключительнее предмет определяется пространством и временем, тем он менее познаваем для человека (понятен человеку).

Истинное знание человека кончается познанием своей личности, своего животного. Это свое животное, стремящееся к благу и подчиненное закону разума, человек знает совершенно особенно от знания всего того, что не есть его личность. Он действительно знает себя в этом животном, и

знает себя не потому, что он есть нечто пространственное и временное (напротив: себя, как временное и пространственное проявление, он никогда познать не может), а потому, что он есть нечто, долженствующее для своего блага быть подчиненным закону разума. Он знает себя в этом животном, как нечто независимое от времени и пространства. Когда он спрашивает себя о своем месте во времени и пространстве, то ему прежде всего представляется, что он стоит посреди не бесконечного в обе стороны времени и что он центр шара, поверхность которого везде и нигде. И этого-то самого, вневременного и внепространственного себя, человек и знает действительно, и на этом своем я кончается его действительное знание. Всё, что находится вне этого своего я, человек не знает, но может только наблюдать и определять внешним условным образом.

Отрешившись на время от знания самого себя как разумного центра, стремящегося к благу, т. е. вневременного и внепространственного существа, человек может на время условно допустить, что он есть часть видимого мира, проявляющаяся и в пространстве и во времени. Рассматривая себя так, в пространстве и во времени, в связи с другими существами, человек соединяет свое истинное внутреннее знание самого себя с внешним наблюдением себя и получает о себе представление, как о человеке вообще, подобном всем другим людям; по этому условному знанию себя человек получает и о других людях некоторое внешнее представление, но

не знает их.

Невозможность для человека истинного знания людей происходит уже и оттого, что таких людей он видит не одного, а сотни, тысячи, и знает, что есть, и были, и будут такие люди, которых он никогда не видал и не увидит.

За людьми еще дальше от себя человек видит в пространстве и времени животных, отличающихся от людей и друг от друга. Существа эти были бы совершенно непонятны для него, если бы он не имел знания о человеке вообще; но имея это знание и отвлекая от понятия человека его разумное сознание, он получает и о животных некоторое представление, но представление это еще менее для него похоже на знание, чем его представление о людях вообще. Животных самых разнообразных он видит уже огромное количество, и чем больше их количество, тем, очевидно, менее возможно для него познание их.

Далее от себя он видит растения, и еще увеличивается распространенность в мире этих явлений, и еще невозможнее для него знание их.

Еще далее от себя, за животными и растениями, в пространстве и времени, человек видит неживые тела и уже мало или совсем не различающиеся формы вещества. Вещество он понимает уже меньше всего. Познание форм вещества для него уже совсем безразлично, и он не только не знает его, но он только воображает себе его, – тем более, что вещество уже представляется ему в пространстве и времени

бесконечным.

Глава XIII.

ПОЗНАВАЕМОСТЬ ПРЕДМЕТОВ УВЕЛИЧИВАЕТСЯ НЕ ВСЛЕДСТВИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ИХ В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ, А ВСЛЕДСТВИЕ ЕДИНСТВА ЗАКОНА, КОТОРОМУ ПОДЧИНЯЕМСЯ МЫ И ТЕ ПРЕДМЕТЫ, КОТОРЫЕ МЫ ИЗУЧАЕМ.

Что может быть понятнее слов: собаке больно; теленок ласков – он меня любит; птица радуется, лошадь боится, добрый человек, злое животное? И все эти самые важные понятные слова не определяются пространством и временем; напротив: чем непонятнее нам закон, которому подчиняется явление, тем точнее определяется явление временем и пространством. Кто скажет, что понимает тот закон тяготения, по которому происходит движение земли, луны и солнца? А затмение солнца самым точным образом определено пространством и временем.

Вполне знаем мы только нашу жизнь, наше стремление к благу и разум, указывающий нам это благо. Следующее по достоверности знание есть знание нашей животной личности, стремящейся к благу и подчиненной закону разума. В

знании нашей животной личности уже являются пространственные и временные условия, видимые, осязаемые, наблюдаемые, но недоступные нашему пониманию. Следующее за этим по достоверности знание есть знание таких же животных личностей, как и мы, в которых мы узнаем общее с нами стремление к благу и общее с нами разумное сознание. Насколько жизнь этих личностей сближается с законами нашей жизни, стремления к благу и подчинения закону разума, настолько мы знаем их; насколько она проявляется в пространственных и временных условиях, настолько мы не знаем их. И так знаем мы больше всего людей. Следующее по достоверности знание есть наше знание животных, в которых мы видим личность, подобно нашей стремящуюся к благу, но уже чуть узнаем подобие нашего разумного сознания, и с которыми мы уже не можем общаться этим разумным сознанием. Вслед за животными мы видим растения, в которых мы уже с трудом узнаем подобную нам личность, стремящуюся к благу. Существа эти и представляются нам преимущественно временными и пространственными явлениями и потому еще менее доступны нашему знанию.

Мы знаем их только потому, что в них видим личность, подобную нашей животной личности, которая так же, как и наша, стремится к благу и подчиняет проявляющемуся в ней закону разума вещество, в условиях пространства и времени.

Еще менее доступны нашему знанию предметы безличные, вещественные; в них мы уже не находим подобия нашей

личности, не видим вовсе стремления к благу, а видим одни временные и пространственные проявления законов разума, которым они подчиняются.

Истинность нашего знания не зависит от наблюдаемости предметов в пространстве и времени, а напротив: чем наблюдаемое проявление предмета в пространстве и времени, тем менее оно понятно для нас.

Наше знание о мире вытекает из сознания нашего стремления к благу и необходимости, для достижения этого блага, подчинения нашего животного разуму. Если мы знаем жизнь животного, то только потому, что мы и в животном видим стремление к благу и необходимость подчинения закону разума, который в нем представляется законом организма.

Если мы знаем вещество, то мы знаем его только потому, что, несмотря на то, что благо его нам непонятно, мы всё-таки видим в нем то же явление, как и в себе, – необходимость подчинения закону разума, управляющего им.

Познание чего бы то ни было для нас есть перенесение на другие предметы нашего знания о том, что жизнь есть стремление к благу, достигаемое подчинением закону разума.

Не себя мы можем познавать из законов, управляющих животными, но животных мы познаем только из того закона, который знаем в себе. И тем менее можем познавать себя из законов своей жизни, перенесенных на явления вещества.

Всё, что знает человек о внешнем мире, он знает только потому, что знает себя и в себе находит три различные отно-

шения к миру: одно отношение своего разумного сознания, другое отношение своего животного и третье отношение вещества, входящего в тело его животного. Он знает в себе эти три различные отношения и потому всё, что он видит в мире, располагается перед ним всегда в перспективе трех отдельных друг от друга планов: 1) разумные существа; 2) животные и растения и 3) неживое вещество.

Человек всегда видит эти три разряда предметов в мире, потому что он сам в себе заключает эти три предмета познания. Он знает себя: 1) как разумное сознание, подчиняющее животное; 2) как животное, подчиненное разумному сознанию, и 3) как вещество, подчиненное животному.

Не из познаний законов вещества, как это думают, мы можем познавать закон организмов, и не из познания закона организмов мы можем познавать себя, как разумное сознание, но наоборот. Прежде всего мы можем и нам нужно познать самих себя, т. е. тот закон разума, которому для нашего блага должна быть подчинена наша личность, и тогда только нам можно и нужно познать и закон своей животной личности и подобных ей личностей, и, еще в большем отдалении от себя, законы вещества.

Нужно нам знать, и мы знаем только себя. Мир животных – для нас уже отражение того, что мы знаем в себе. Мир вещественный уже есть как бы отражение от отражения.

Нам кажутся особенно ясными законы вещества потому только, что они для нас однообразны; однообразны же они

для нас потому, что особенно далеки от сознаваемого нами закона нашей жизни.

Законы организмов кажутся нам проще закона нашей жизни тоже от своего удаления от нас. Но и в них мы только наблюдаем законы, а не знаем их, как мы знаем закон нашего разумного сознания, который должен быть нами исполняем.

Ни то, ни другое существование мы не знаем, а только видим, наблюдаем вне себя. Только закон нашего разумного сознания мы знаем несомненно, потому что он нужен для нашего блага, потому что мы живем этим сознанием; не видим же его потому, что не имеем той высшей точки, с которой бы могли наблюдать его.

Только если б были существа высшие, подчиняющие наше разумное сознание так же, как наше разумное сознание подчиняет себе нашу животную личность, и как животная личность (организм) подчиняет себе вещество, – эти высшие существа могли бы видеть нашу разумную жизнь так, как мы видим свое животное существование и существование вещества.

Жизнь человеческая представляется неразрывно связанной с двумя видами существования, которые она включает в себя: существование животных и растений (организмов) и существование вещества.

Жизнь свою истинную человек делает сам, сам проживает ее; но в тех двух видах существования, связанных с его жизнью, – человек не может принимать участия. Тело и ве-

щество, его составляющее, существуют сами собой.

Эти виды существования представляются человеку как бы предшествовавшими, прожитыми жизнями, включенными в его жизнь, – как бы воспоминаниями о прежних жизнях.

В истинной жизни человека эти два вида существования представляют для него орудие и материал его работы, но не самую работу его.

Человеку полезно изучать и материал и орудие своей работы. Чем лучше он познает их, тем лучше он будет в состоянии работать. Изучение этих включенных в его жизнь видов существования – своего животного и вещества, составляющего животное, показывает человеку, как бы в отражении, общий закон всего существующего – подчинение закону разума и тем утверждает его в необходимости подчинения своего животного своему закону, но не может и не должен человек смешивать материал и орудие своей работы с самой своей работой.

Сколько бы ни изучал человек жизнь видимую, осязаемую, наблюдаемую им в себе и других, жизнь, совершающуюся без его усилий, – жизнь эта всегда останется для него тайной; он никогда из этих наблюдений не поймет эту незнаемую им жизнь и наблюдениями над этой таинственной, всегда скрывающейся от него в бесконечность пространства и времени, жизнью никак не осветит свою истинную жизнь, открытую ему в его сознании и состоящую в подчинении его совершенно особенной от всех и самой извест-

ной ему животной личности совершенно особенному и самому известному ему закону разума, для достижения своего совершенно особенного и самого известного ему блага.

Глава XIV.

ИСТИННАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ НЕ ЕСТЬ ТО, ЧТО ПРОИСХОДИТ В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ.

Жизнь человек знает в себе как стремление к благу, достижимому подчинением своей животной личности закону разума.

Иной жизни человеческой он не знает и знать не может. Ведь животное человек признает только тогда живым, когда вещество, составляющее его, подчинено не только своим законам, но и высшему закону организма.

Есть в известном совокуплении вещества подчинение высшему закону организма, – мы признаем в этом совокуплении вещества жизнь; нет, не начиналось или кончилось это подчинение, – и нет уже того, что отделяет это вещество от всего остального вещества, в котором действуют одни законы механические, химические, физические, – и мы не признаем в нем жизни животного. Точно так же и подобных нам людей и самих себя мы тогда только признаем живыми, когда наша животная личность, кроме подчинения своему закону организма, подчинена еще высшему закону разумного

сознания.

Как скоро нет этого подчинения личности закону разума, как скоро в человеке действует один закон личности, подчиняющий себе вещество, составляющее его, мы не знаем и не видим человеческой жизни ни в других, ни в себе, как не видим жизни животной в веществе, подчиняющемся только своим законам.

Как бы ни были сильны и быстры движения человека в бреду, в сумасшествии или в агонии, в пьянстве, в порыве страсти даже, мы не признаем человека живым, не относимся к нему, как к живому человеку, и признаем в нем только возможность жизни. Но как бы слаб и неподвижен ни был человек, — если мы видим, что животная личность его подчинена разуму, то мы признаем его живым, и так и относимся к нему.

Жизнь человеческую мы не можем понимать иначе, как подчинение животной личности закону разума.

Жизнь эта обнаруживается во времени и пространстве, но определяется не временными и пространственными условиями, а только степенью подчинения животной личности разуму. Определять жизнь временными и пространственными условиями, — это всё равно, что определять высоту предмета его длиной и шириной.

Движение в высоту предмета, движущегося вместе с тем и в плоскости, будет точным подобием отношения истинной жизни человеческой к жизни животной личности, или жиз-

ни истинной к жизни временной и пространственной. Движение предмета кверху не зависит и не может ни увеличиться, ни уменьшиться от его движения в плоскости. То же и с определением жизни человеческой. Жизнь истинная проявляется всегда в личности, но не зависит, не может ни увеличиться, ни уменьшиться от такого или другого существования личности.

Временные и пространственные условия, в которых находится животная личность человека, не могут влиять на жизнь истинную, состоящую в подчинении животной личности разумному сознанию.

Вне власти человека, желающего жить, уничтожить, остановить пространственное и временное движение своего существования; но истинная жизнь его есть достижение блага подчинением разуму, независимо от этих видимых пространственных и временных движений. В этом-то большем и большем достижении блага через подчинение разуму только и состоит то, что составляет жизнь человеческую. Нет этого увеличения в подчинении, – и жизнь человеческая идет по двум видимым направлениям пространства и времени, и есть одно существование. Есть это движение в высоту, это большее и большее подчинение разуму, – и между двумя силами и одной устанавливается отношение и совершается большее или меньшее движение по равнодействующей, поднимающей существование человека в область жизни.

Силы пространственные и временные – силы определен-

ные, конечные, несовместимые с понятием жизни; сила же стремления к благу через подчинение разуму есть сила, поднимающая в высоту, – сама сила жизни, для которой нет ни временных, ни пространственных пределов.

Человеку представляется, что жизнь его останавливается и раздваивается, но эти задержки и колебания суть только обман сознания (подобный обману внешних чувств). Задержек и колебаний истинной жизни нет и не может быть: они только нам кажутся при ложном взгляде на жизнь.

Человек начинает жить истинной жизнью, т. е. поднимается на некоторую высоту над жизнью животной, и с этой высоты видит призрачность своего животного существования, неизбежно кончающегося смертью, видит, что существование его в плоскости обрывается со всех сторон пропастями, и, не признавая, что этот подъем в высоту и есть сама жизнь, ужасается перед тем, что он увидел с высоты. Вместо того чтобы, признав силу, поднимающую его в высоту, своей жизнью, идти по открывшемуся ему направлению, он ужасается перед тем, что открылось ему с высоты, и нарочно спускается вниз, ложится как можно ниже, чтобы не видеть обрывов, открывающихся ему. Но сила разумного сознания опять поднимает его, опять он видит, опять ужасается и, чтоб не видеть, опять припадает к земле. И это продолжается до тех пор, пока он не признает наконец, что для того, чтобы спастись от ужаса перед увлекающим его движением погибельной жизни, ему надо понять, что его движение в плоскости –

его пространственное и временное существование – не есть его жизнь, а что жизнь его только в движении в высоту, что только в подчинении его личности закону разума и заключается возможность блага и жизни. Ему надо понять, что у него есть крылья, поднимающие его над бездной, что если бы не было этих крыльев, он никогда и не поднимался бы в высоту и не видал бы бездны. Ему надо поверить в свои крылья и лететь туда, куда они влекут его.

Только от этого недостатка веры и происходят те кажущиеся странными сначала явления колебания истинной жизни, остановки ее и раздвоения сознания.

Только человеку, понимающему свою жизнь в животном существовании, определяемом пространством и временем, кажется, что разумное сознание проявлялось временами в животном существовании. И глядя так на проявление в себе разумного сознания, человек спрашивает себя, когда и при каких условиях проявлялось в нем его разумное сознание. Но сколько бы ни исследовал человек свое прошедшее, он никогда не найдет этих времен проявления разумного сознания: ему всегда представляется, что его или никогда не было, или оно всегда было. Если ему кажется, что были промежутки разумного сознания, то только потому, что жизнь разумного сознания он не признает жизнью. Понимая свою жизнь только как животное существование, определяемое пространственными и временными условиями, человек и пробуждение и деятельность разумного сознания хочет из-

мерять тою же меркой: он спрашивает себя – когда, сколько времени, в каких условиях я находился в обладании разумным сознанием? Но промежутки между пробуждениями разумной жизни существуют только для человека, понимающего свою жизнь, как жизнь животной личности. Для человека же, понимающего свою жизнь в том, в чем она и есть, – в деятельности разумного сознания, не может быть этих промежутков.

Разумная жизнь есть. Она одна есть. Промежутки времени одной минуты или 50000 лет безразличны для нее, потому что для нее нет времени. Жизнь человека истинная – та, из которой он составляет себе понятие о всякой другой жизни, – есть стремление к благу, достигаемому подчинением своей личности закону разума. Ни разум, ни степень подчинения ему не определяются ни пространством, ни временем. Истинная жизнь человеческая происходит вне пространства и времени.

Глава XV.

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ БЛАГА ЖИВОТНОЙ ЛИЧНОСТИ ЕСТЬ ЗАКОН ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ.

Жизнь есть стремление к благу. Стремление к благу есть жизнь. Так понимали, понимают и всегда будут понимать жизнь все люди. И потому жизнь человека есть стремление к человеческому благу, а стремление к человеческому благу и есть жизнь человеческая. Толпа, люди не мыслящие, понимают благо человека в благе его животной личности.

Ложная наука, исключая понятие блага из определения жизни, понимает жизнь в животном существовании, и потому благо жизни видит только в животном благе и сходится с заблуждением толпы.

В том и другом случае заблуждение происходит от смешения личности, индивидуальности, как называет наука, с разумным сознанием. Разумное сознание включает в себя личность. Личность же не включает в себя разумное сознание. Личность есть свойство животного и человека, как животного. Разумное сознание есть свойство одного человека.

Животное может жить только для своего тела – ничто не

мешает ему жить так; оно удовлетворяет своей личности и бессознательно служит своему роду и не знает того, что оно есть личность; но разумный человек не может жить только для своего тела. Он не может жить так потому, что он знает, что он личность, а потому знает, что и другие существа – такие же личности, как и он, знает всё то, что должно происходить от отношений этих личностей.

Если бы человек стремился только к благу своей личности, любил только себя, свою личность, то он не знал бы, что другие существа любят также себя, как не знают этого животного; но если человек знает, что он личность, стремящаяся к тому же, к чему стремятся и все окружающие его личности, он не может уж стремиться к тому благу, которое видно, как зло, его разумному сознанию, и жизнь его не может уже быть в стремлении к благу личности. Человеку только кажется иногда, что его стремление к благу имеет предметом удовлетворение требований животной личности. Обман этот происходит вследствие того, что человек принимает то, что он видит происходящим в своем животном, за цель деятельности своего разумного сознания. Происходит нечто подобное тому, что бы делал человек, руководясь в бдящем состоянии тем, что он видит во сне.

И тогда-то, если этот обман поддерживается ложными учениями, и происходит в человеке смешение личности с разумным сознанием.

Но разумное сознание всегда показывает человеку, что

удовлетворение требований его животной личности не может быть его благом, а потому и его жизнью, и неудержимо влечет его к тому благу и потому к той жизни, которая свойственна ему и не умещается в его животной личности.

Обыкновенно думают и говорят, что отречение от блага личности есть подвиг, достоинство человека. Отречение от блага личности – не достоинство, не подвиг, а неизбежное условие жизни человека. В то же время, как человек сознает себя личностью, отделенной от всего мира, он познает и другие личности отделенными от всего мира, и их связь между собою, и прозрачность блага своей личности, и одну действительность блага только такого, которое могло бы удовлетворять его разумное сознание.

Для животного деятельность, не имеющая своей целью благо личности, а прямо противоположная этому благу, есть отрицание жизни, но для человека это как раз наоборот. Деятельность человека, направленная на достижение только блага личности, есть полное отрицание жизни человеческой.

Для животного, не имеющего разумного сознания, показывающего ему бедственность и конечность его существования, благо личности и вытекающее из него продолжение рода личности есть высшая цель жизни. Для человека же личность есть только та ступень существования, с которой открывается ему истинное благо его жизни, не совпадающее с благом его личности.

Сознание личности для человека – не жизнь, но тот пре-

дел, с которого начинается его жизнь, состоящая всё в большем и большем достижении свойственного ему блага, независимого от блага животной личности.

По ходячему представлению о жизни, жизнь человеческая есть кусок времени от рождения и до смерти его животного. Но это не есть жизнь человеческая; это только существование человека как животной личности. Жизнь же человеческая есть нечто, только проявляющееся в животном существовании, точно так же, как жизнь органическая есть нечто, только проявляющееся в существовании вещества.

Человеку прежде всего представляются видимые цели его личности целями его жизни. Цели эти видимы и потому кажутся понятными.

Цели же, указываемые ему его разумным сознанием, кажутся непонятными, потому что они невидимы. И человеку сначала страшно отказаться от видимого и отдаться невидимому.

Человеку, извращенному ложными учениями мира, требования животного, которые исполняются сами собой и видимы, и на себе и на других, кажутся просты и ясны, новые же невидимые требования разумного сознания представляются противоположными; удовлетворение их, которое не делается само собой, а которое надо совершать самому, кажется чем-то сложным и неясным. Страшно и жутко отречься от видимого представления о жизни и отдаться невидимому сознанию ее, как страшно и жутко было бы ребенку рожать-

ся, если бы он мог чувствовать свое рождение, – но делать нечего, когда очевидно, что видимое представление влечет к смерти, а невидимое сознание одно дает жизнь.

Глава XVI.

ЖИВОТНАЯ ЛИЧНОСТЬ ЕСТЬ ОРУДИЕ ЖИЗНИ.

Никакие рассуждения ведь не могут скрыть от человека той очевидной, несомненной истины, что личное существование его есть нечто непрестанно-погибающее, стремящееся к смерти, и что потому в его животной личности не может быть жизни.

Не может не видеть человек, что существование его личности от рождения и детства до старости и смерти есть не что иное, как постоянная трата и умаление этой животной личности, кончающееся неизбежной смертью; и потому сознание своей жизни в личности, включающей в себя желание увеличения и неистребимости личности, не может не быть переставшим противоречием и страданием, не может не быть злом, тогда как единственный смысл его жизни есть стремление к благу.

В чем бы ни состояло истинное благо человека, для него неизбежно отречение его от блага животной личности. Отречение от блага животной личности есть закон жизни человеческой. Если он не совершается свободно, выражаясь в подчинении разумному сознанию, то он совершается в каж-

дом человеке насильно при плотской смерти его животного, когда он от тяжести страданий желает одного: избавиться от мучительного сознания погибающей личности и перейти в другой вид существования.

Вступление в жизнь и жизнь человека подобна тому, что совершается с лошадью, которую хозяин выводит из конюшни и впрягает. Лошади, выходящей из конюшни и увидавшей свет и почуявшей свободу, кажется, что в этой-то свободе и жизнь, но ее впрягают и трогают. Она чует за собой тяжесть и, если она думает, что жизнь ее в том, чтобы бегать на свободе, она начинает биться, падает, убивается иногда. Но если она не убьется, ей только два выхода: или она пойдет и повезет, и увидит, что тяжесть не велика и езда не мучка, а радость, или отобьется от рук, и тогда хозяин сведет ее на рушильное колесо, привяжет арканом к стене, колесо завертится под ней, и она будет ходить в темноте на одном месте, страдая, но ее силы не пропадут даром: она сделает свою невольную работу, и закон исполнится и на ней. Разница будет только в том, что первая будет работать радостно, а вторая невольно и мучительно.

«Но для чего же эта личность, от блага которой я, человек, должен отречься, чтобы получить жизнь?» говорят люди, признающие свое животное существование жизнью.

Для чего дано человеку это сознание личности, противящейся проявлению истинной его жизни? На вопрос этот можно ответить подобным же вопросом, который могло бы

сделать животное, стремящееся к своим целям сохранения своей жизни и рода.

«Зачем, спросило бы оно, это вещество и его законы – механические, физические, химические и другие, с которыми я должно бороться, чтобы достигнуть своих целей?» «Если мое призвание, сказало бы животное, есть осуществление жизни животного, то зачем все эти преграды, которые я должно одолевать?»

Нам ясно, что вся материя и ее законы, с которыми борется животное и которое она подчиняет себе для существования личности животного, суть не преграды, а средства для достижения им своих целей. Только переработкой материи и посредством ее законов животное и живет. Точно то же и в жизни человека. Животная личность, в которой застаёт себя человек и которую он призван подчинять своему разумному сознанию, есть не преграда, но средство, которым он достигает цели своего блага: животная личность для человека есть то орудие, которым он работает. Животная личность для человека – это лопата, которая дана разумному существу для того, чтобы ею копать и, копая, тупить ее и точить, тратить, а не отчищать и хранить. Это талант, данный ему для прироста, а не для хранения. «И кто хочет жизнь свою сберечь, тот потеряет ее. И кто потеряет жизнь свою ради Меня, тот обретет ее».

В этих словах сказано, что сберечь нельзя то, что должно погибнуть и не переставая погибает, – а что только отрека-

ясь от того, что погибнет и должно погибнуть, от нашей животной личности, мы получаем нашу истинную жизнь, которая не погибает и не может погибнуть. Сказано то, что истинная жизнь наша начинается только тогда, когда мы перестаем считать жизнью то, что не было и не могло быть для нас жизнью – наше животное существование. Сказано то, что тот, кто будет беречь лопату, которая есть у него для приготовления себе пищи, поддерживающей жизнь, тот, сберегши лопату, потеряет пищу и жизнь.

Глава XVII.

РОЖДЕНИЕ ДУХОМ.

«Должно вам родиться снова», сказал Христос. Не то чтобы человеку кто-нибудь велел родиться, но человек неизбежно приведен к этому. Чтобы иметь жизнь, ему нужно вновь родиться в этом существовании – разумным сознанием.

Человеку дано разумное сознание с тем, чтобы он положил жизнь в том благе, которое открывается ему его разумным сознанием. Тот, кто в этом благе положил жизнь, тот имеет жизнь; тот же, кто не полагает в нем жизни, а полагает ее в благе животной личности, тот этим самым лишает себя жизни. В этом состоит определение жизни, данное Христом.

Люди, признающие жизнью свое стремление к благу личности, слышат эти слова и не то, что не признают, а не понимают, не могут понимать их. Им кажутся эти слова или ничего незначащими, или значущими очень мало, означающими некоторое напущенное на себя сентиментальное и мистическое, так они любят называть, настроение. Они не могут понимать значение этих слов, выражающих объяснение недоступного им состояния, как не могло бы сухое, непроросшее семя понимать состояния семени отсыревшего и уже наклюнувшегося. Для сухих зерен то солнце, которое в сло-

вах этих светит на рождающееся к жизни семя, есть только незначущая случайность – несколько большее тепло и свет, но для наклюнувшегося семени оно есть причина рождения к жизни. Точно так же для людей, не доживших еще до внутреннего противоречия животной личности и разумного сознания, свет солнца разума есть только незначущая случайность, сентиментальные, мистические слова. Солнце приводит к жизни только тех, в ком зародилась уже жизнь.

О том же, как зарождается она, почему, когда, где, не только в человеке, но и в животном и растении, никто никогда не узнал. О зарождении ее в человеке Христос сказал, что никто этого не знает и не может знать.

И в самом деле: что же может знать человек о том, как зарождается в нем жизнь? Жизнь есть свет человеков, жизнь есть жизнь, – начало всего; как же может знать человек о том, как она зарождается? Зарождается и погибает для человека то, что не живет, то, что проявляется в пространстве и времени. Жизнь же истинная есть, и потому она для человека не может ни зародиться, ни погибать.

Глава XVIII.

ЧЕГО ТРЕБУЕТ РАЗУМНОЕ СОЗНАНИЕ.

Да, разумное сознание несомненно, неопровержимо говорит человеку, что при том устройстве мира, которое он видит из своей личности, ему, его личности, блага быть не может. Жизнь его есть желание блага себе, именно себе, и он видит, что благо это невозможно. Но странное дело: несмотря на то, что он видит несомненно, что благо это невозможно ему, он всё-таки живет одним желанием этого невозможного блага, – блага только себе.

Человек с проснувшимся (только проснувшимся), но не подчинившим еще себе животную личность разумным сознанием, если он не убивает себя, то живет только для того, чтобы осуществить это невозможное благо: живет и действует человек только для того, чтобы благо было ему одному, чтобы все люди и даже все существа жили и действовали только для того, чтобы ему одному было хорошо, чтобы ему было наслаждение, для него не было страданий и не было смерти.

Удивительное дело: несмотря на то, что и опыт свой, и наблюдение жизни всех окружающих, и разум несомненно показывают каждому человеку недостижимость этого, показы-

вают ему, что невозможно заставить другие живые существа перестать любить самих себя, а любить только его, – несмотря на это, жизнь каждого человека только в том, чтобы богатством, властью, почестями, славой, лестью, обманом, как-нибудь, но заставить другие существа жить не для себя, а для него одного, – заставить все существа любить не самих себя, а его одного.

Люди делали и делают всё, что могут, для этой цели и вместе с тем видят, что они делают невозможное. «Жизнь моя есть стремление к благу», говорит себе человек. «Благо возможно для меня только, когда все будут любить меня больше, чем самих себя, а все существа любят только себя, – стало-быть всё, что я делаю для того, чтобы их заставить любить меня, бесполезно. Бесполезно, а другого ничего я делать не могу».

Проходят века: люди узнают расстояние от светил, определяют их вес, узнают состав солнца и звезд, а вопрос о том, как согласить требования личного блага с жизнью мира, исключаяющего возможность этого блага, остается для большинства людей таким же нерешенным вопросом, каким он был для людей за 5000 лет назад.

Разумное сознание говорит каждому человеку: да, ты можешь иметь благо, но только если все будут любить тебя больше себя. И то же разумное сознание показывает человеку, что этого быть не может, потому что они все любят только себя. И потому единственное благо, которое открывается

человеку разумным сознанием, им же опять и закрывается.

Проходят века, и загадка о благе жизни человека остается для большинства людей тою же неразрешимой загадкой. А между тем загадка разгадана уже давным-давно. И всем тем, которые узнают разгадку, всегда удивительным кажется, как они сами не разгадали ее, – кажется, что они давно уже знали, но только забыли ее: так просто и само собою напрашивается разрешение загадки, казавшейся столь трудной среди ложных учений нашего мира.

Ты хочешь, чтобы все жили для тебя, чтобы все любили тебя больше себя? Есть только одно положение, при котором желание твое может быть исполнено. Это такое положение, при котором все существа жили бы для блага других и любили бы других больше себя. Тогда только ты и все существа любимы бы были всеми, и ты в числе их получил бы то самое благо, которого ты желаешь. Если же благо возможно тебе только тогда, когда все существа любили бы других более себя, то и ты, живое существо, должен любить другие существа более себя.

Только при этом условии возможны благо и жизнь человека, и только при этом условии уничтожается и то, что отравляло жизнь человека, – уничтожается борьба существ, мучительность страданий и страх смерти.

В самом деле, что составляло невозможность блага личного существования? Во-первых, борьба ищущих личного блага существ между собой; во-вторых, обман наслаждения,

приводящий к трате жизни, к пресыщению, к страданиям, и, в-третьих – смерть. Но стоит допустить мысленно, что человек может заменить стремление к благу своей личности стремлением к благу других существ, чтобы уничтожилась невозможность блага и благо представлялось бы достижимым человеку. Глядя на мир из своего представления о жизни, как стремления к личному благу, человек видел в мире неразумную борьбу существ, губящих друг друга. Но стоит человеку признать свою жизнь в стремлении к благу других, чтобы увидеть в мире совсем другое: увидеть рядом с случайными явлениями борьбы существ постоянное взаимное служение друг другу этих существ, – служение, без которого немислимо существование мира.

Стоит допустить это и вся прежняя безумная деятельность, направленная на недостижимое благо личности, заменяется другою деятельностью, согласной с законом мира и направленной к достижению наибольшего возможного блага своего и всего мира.

Другая причина бедственности личной жизни и невозможности блага для человека была: обманчивость наслаждений личности, тратящих жизнь, приводящих к пресыщению и страданиям. Стоит человеку признать свою жизнь в стремлении к благу других, и уничтожается обманчивая жажда наслаждений; праздная же и мучительная деятельность, направленная на наполнение бездонной бочки животной личности, заменяется согласной с законами разума деятельно-

стью поддержания жизни других существ, необходимой для его блага, и мучительность личного страдания, уничтожающего деятельность жизни, заменяется чувством сострадания к другим, вызывающим несомненно плодотворную и самую радостную деятельность.

Третья причина бедственности личной жизни была – страх смерти. Стоит человеку признать свою жизнь не в благе своей животной личности, а в благе других существ, и пугало смерти навсегда исчезает из глаз его.

Ведь страх смерти происходит только от страха потерять благо жизни с ее плотской смертью. Если же бы человек мог полагать свое благо в благе других существ, т. е. любил бы их больше себя, то смерть не представлялась бы ему тем прекращением блага и жизни, каким она представляется человеку, живущему только для себя. Смерть для человека, живущего для других, не могла бы представляться ему уничтожением блага и жизни, потому что благо и жизнь других существ не только не уничтожаются жизнью человека, служащего им, но очень часто увеличиваются и усиливаются жертвою его жизни.

Глава XIX.

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ РАЗУМНОГО СОЗНАНИЯ.

«Но это не жизнь», отвечает возмущенное заблудшее человеческое сознание. «Это отречение от жизни, самоубийство». – Ничего этого не знаю, отвечает разумное сознание, – знаю, что такова жизнь человека – и другой нет и быть не может. Знаю более того, – знаю, что такая жизнь есть жизнь и благо, и для человека, и для всего мира. Знаю, что при прежнем взгляде на мир, жизнь моя и всего существующего была злом и бессмыслицей; при этом же взгляде она является осуществлением того закона разума, который вложен в человека. Знаю, что наибольшее, до бесконечности могущее быть увеличиваемым, благо жизни каждого существа может быть достигнуто только этим законом служения каждого всем и потому всех каждому.

«Но если это и может быть законом мыслимым, это не есть закон действительности», отвечает возмущенное заблудшее сознание человека. «Теперь другие не любят меня больше себя, и потому и я не могу любить их больше себя и для них лишаться наслаждений и подвергаться страданиям. Мне дела нет до закона разума; я себе хочу наслаждений и себе хочу

избавления от страданий. Но теперь существует борьба существ между собою, и если я один не буду бороться, другие задавят меня. Мне всё равно, каким путем мысленно достигается наибольшее благополучие всех, – мне нужно теперь наибольшее мое действительное благо», говорит ложное сознание.

– Ничего не знаю про это, – отвечает разумное сознание.

Знаю только, что то, что ты называешь своими наслаждениями, только тогда будет благом для тебя, когда ты не сам будешь брать, а другие будут давать их тебе, и только тогда твои наслаждения будут делаться излишеством и страданиями, какими они делаются теперь, когда ты сам для себя будешь ухватывать их. Только тогда ты избавишься и от действительных страданий, когда другие будут тебя избавлять от них, а не ты сам, – как теперь, когда из страха воображаемых страданий ты лишаешь себя самой жизни.

Знаю, что жизнь личности, жизнь такая, при которой необходимо, чтобы все любили меня одного и я любил бы только себя, и при которой я мог бы получить как можно больше наслаждений и избавиться от страданий и смерти, есть величайшее и не перестающее страдание. Чем больше я буду любить себя и бороться с другими, тем больше будут ненавидеть меня и тем злее бороться со мной; чем больше я буду ограждать себя от страданий, тем они будут мучительнее; чем больше я буду ограждать себя от смерти, тем она будет страшнее.

Знаю, что, что бы ни делал человек, он не получит блага до тех пор, пока не будет жить сообразно закону своей жизни. Закон же его жизни не есть борьба, а, напротив, взаимное служение существ друг другу.

«Но я знаю жизнь только в своей личности. Мне невозможно полагать свою жизнь в благе других существ».

– Ничего не знаю этого, – говорит разумное сознание, знаю только то, что моя жизнь и жизнь мира, представлявшиеся мне прежде злой бессмыслицей, представляются мне теперь одним разумным целым, живущим и стремящимся к одному и тому же благу, чрез подчинение одному и тому же закону разума, который я знаю в себе.

«А мне невозможно это!» говорит заблудшее сознание, – и вместе с тем нет человека, который не делал бы этого самого невозможного, в этом самом невозможном не полагал бы лучшего блага своей жизни.

«Невозможно полагать свое благо в благе других существ», а между тем нет человека, который бы не знал состояния, при котором благо существ вне его становилось его благом. «Невозможно полагать благо в трудах и страдании для другого», а стоит человеку отдаться этому чувству сострадания, – и наслаждения личности теряют для него смысл, и сила жизни его переходит в труды и страдания для блага других, и страдания и труды становятся для него благом. «Невозможно жертвовать своей жизнью для блага других», а стоит человеку познать это чувство, и смерть не толь-

ко не видна и не страшна ему, но представляется высшим доступным ему благом.

Разумный человек не может не видеть, что если допустить мысленно возможность замены стремления к своему благу стремлением к благу других существ, то жизнь его, вместо прежнего неразумия ее и бедственности, становится разумною и благою. Он не может не видеть и того, что, при допущении такого же понимания жизни и в других людях и существах, жизнь всего мира, вместо прежде представлявшихся безумия и жестокости, становится тем высшим разумным благом, которого только может желать человек, — вместо прежней бессмысленности и бесцельности, получает для него разумный смысл: целью жизни мира представляется такому человеку бесконечное просветление и единение существ мира, к которому идет жизнь и в котором сначала люди, а потом и все существа, более и более подчиняясь закону разума, будут понимать (то, что дано понимать теперь одному человеку), что благо жизни достигается не стремлением каждого существа к своему личному благу, а стремлением, согласно с законом разума, каждого существа к благу всех других.

Но мало того: допустив только возможность замены стремления к своему благу стремлением к благу других существ, человек не может не видеть и того, что это-то самое постепенное, большее и большее отречение его личности и перенесение цели деятельности из себя в другие существа и

есть всё движение вперед человечества и тех живых существ, которые ближе к человеку. Человек не может не видеть в истории, что движение общей жизни не в усилении и увеличении борьбы существ между собою, а напротив в уменьшении несогласия и в ослаблении борьбы; что движение жизни только в том, что мир, из вражды и несогласия, через подчинение разуму приходит всё более к согласию и единству. Допустив это, человек не может не видеть, что люди, поедавшие друг друга, перестают поедать; убивавшие пленных и своих детей, перестают их убивать; что военные, гордившиеся убийством, перестают этим гордиться; учреждавшие рабство, уничтожают его; что люди, убивавшие животных, начинают приручать их и меньше убивать; начинают питаться, вместо тела животных, их яйцами и молоком; начинают и в мире растений уменьшать их уничтожение. Человек видит, что лучшие люди человечества осуждают поиски за наслаждениями, призывают людей к воздержности, а самые лучшие люди, восхваляемые потомством, показывают примеры жертвы своим существованием для блага других. Человек видит, что то самое, что он допустил только по требованиям разума, то самое и совершается действительно в мире и подтверждается прошедшею жизнью человечества.

Но мало и этого: еще сильнее и убедительнее, чем разум и история, это самое, совсем из другого как будто источника, показывает человеку стремление его сердца, влекущее его, как к непосредственному благу, к той самой деятельности,

которую указывает ему его разум и которая в сердце его выражается любовью.

Глава XX.

ТРЕБОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ КАЖЕТСЯ НЕСОВМЕСТИМЫМ С ТРЕБОВАНИЕМ РАЗУМНОГО СОЗНАНИЯ.

И разум, и рассуждение, и история, и внутреннее чувство – всё, казалось бы, убеждает человека в справедливости такого понимания жизни; но человеку, воспитанному в учении мира, всё-таки кажется, что удовлетворение требований его разумного сознания и его чувства не может быть законом его жизни.

«Не бороться с другими за свое личное благо, не искать наслаждений, не предотвращать страдания и не бояться смерти! Да это невозможно, да это отречение от всей жизни! И как же я отрекусь от личности, когда я чувствую требования моей личности и разумом познаю законность этих требований?» – говорят с полной уверенностью образованные люди нашего мира.

И замечательное явление. Люди рабочие, простые, мало упражнявшие свой рассудок, почти никогда не отстаивают требований личности и всегда чувствуют в себе требования, противоположные требованиям личности; но полное отри-

цание требований разумного сознания и, главное, опровержение законности этих требований и отстаивание прав личности встречается только между людьми богатыми, утонченными, с развитым рассудком.

Человек развитой, изнеженный, праздный всегда будет доказывать, что личность имеет свои неотъемлемые права. Человек же голодающий не будет доказывать, что человеку нужно есть, – он знает, что все это знают и что этого ни доказать, ни опровергнуть нельзя: он только будет есть.

Происходит это от того, что человек простой, так называемый необразованный, всю жизнь свою работавший телом, не извратил свой разум и удержал его во всей чистоте и силе.

Человек же, всю жизнь свою мысливший не только о ничтожных, пустячных предметах, но и о таких предметах, о которых несвойственно думать человеку, извратил свой разум: разум не свободен у него. Разум занят несвойственным ему делом, обдумыванием своих потребностей личности, – развитием, увеличением их и придумыванием средств их удовлетворения.

«Но я чувствую требования моей личности, и потому эти требования и законны», – говорят так называемые образованные люди, воспитанные мирским учением.

И нельзя им не чувствовать требований своей личности. Вся жизнь этих людей направлена на мнимое увеличение блага личности. Благо же личности представляется им в удовлетворении потребностей. Потребностями же личности они

называют все те условия существования личности, на которые они направили свой разум. Потребности же сознанные, – такие, на которые направлен разум, – всегда вследствие этого сознания разрастаются до бесконечных пределов. Удовлетворение же этих разросшихся потребностей заслоняет от них требование их истинной жизни.

Так называемая наука об обществе в основу своих исследований ставит учение о потребностях человека, забывая то неудобное для этого учения обстоятельство, что потребностей у всякого человека или нет никаких, как их нет у человека, убивающего себя или морящего голодом, или, буквально, их бесчисленное количество.

Потребностей существования животного человека столько, сколько сторон этого существования, а сторон столько же, сколько радиусов в шаре. Потребности пищи, питья, дыхания, упражнения всех мускулов и нервов; потребности труда, отдыха, удовольствия, семейной жизни; потребности науки, искусства, религии, разнообразия их. Потребности, во всех этих отношениях, ребенка, юноши, мужа, старца, девушки, женщины, старухи; потребности Китайца, Парижанина, Русского, Лапландца. Потребности, соответствующие привычкам пород, болезням...

Можно перечислять до конца дней, не перечислив всего, в чем могут состоять потребности личного существования человека. Потребностями могут быть все условия существования, а условий существования бесчисленное множество.

Потребностями называют однако только те условия, которые сознаны. Но сознанные условия, как только они сознаны, теряют свое настоящее значение и получают всё то преувеличенное значение, которое дает им направленный на них разум, и заслоняют собою истинную жизнь.

То, что называют потребностями, т. е. условия животного существования человека, можно сравнить с бесчисленными способными раздуться, шариками, из которых бы было составлено какое-нибудь тело. Все шарики равны одни с другими и имеют себе место и не стеснены, пока они не раздуваются, – и все потребности равны и имеют место, и не ощущаются болезненно, пока они не сознаны. Но стоит начать раздувать шарик, и он может быть раздут так, что займет больше места, чем все остальные, стеснит другие и сам будет стеснен. То же и с потребностями: стоит направить на одну из них разумное сознание, и эта сознанная потребность занимает всю жизнь и заставляет страдать всё существо человека.

Глава XXI.

ТРЕБУЕТСЯ НЕ ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ЛИЧНОСТИ, А ПОДЧИНЕНИЕ ЕЕ РАЗУМНОМУ СОЗНАНИЮ.

Да, утверждение о том, что человек не чувствует требований своего разумного сознания, а чувствует одни потребности личности, есть ничто иное, как утверждение того, что наши животные похоти, на усиление которых мы употребили весь наш разум, владеют нами и скрыли от нас нашу истинную человеческую жизнь. Сорная трава разросшихся пороков задавила ростки истинной жизни.

Да как же и не быть этому в нашем мире, когда прямо признавалось и признается теми, которые считаются учителями других, что высшее совершенство отдельного человека есть всестороннее развитие утонченных потребностей его личности, что благо масс в том, чтобы у них было много потребностей и они могли бы удовлетворять их, что благо людей состоит в удовлетворении их потребностей.

Как же могут люди, воспитанные в таком учении, не утверждать того, что требований разумного сознания они не чувствуют, а чувствуют одни потребности личности? Да как

же им и чувствовать требования разума, когда весь разум их без остатка ушел на усиление их похотей, и как им отречься от требований своих похотей, когда эти похоти поглотили всю их жизнь?

«Отречение от личности невозможно», говорят обыкновенно эти люди, нарочно стараясь извратить вопрос и, вместо понятия подчинения личности закону разума, подставляя понятие отречения от нее.

«Это противоестественно, говорят они, и потому невозможно». Да никто и не говорит об отречении от личности. Личность для разумного человека есть то же, что дыхание, кровообращение для животной личности. Как животной личности отречься от кровообращения? Про это и говорить нельзя. Так же нельзя говорить разумному человеку и об отречении от личности. Личность для разумного человека есть такое же необходимое условие его жизни, как и кровообращение – условие существования его животной личности.

Личность, как животная личность, и не может заявлять и не заявляет никаких требований. Требования эти заявляет ложно направленный разум – разум, направленный не на руководство жизнью, не на освещение ее, а на раздутие похотей личности.

Требования животной личности всегда удовлетворимы. Не может человек говорить, что я буду есть или во что оденусь? Все эти потребности обеспечены человеку так же, как

птице и цветку, если он живет разумною жизнью. И в действительности, кто, думающий человек, может верить, чтобы он мог уменьшить бедственность своего существования обеспечением своей личности?

Бедственность существования человека происходит не от того, что он – личность, а от того, что он признает существование своей личности – жизнью и благом. Только тогда являются противоречие, раздвоение и страдание человека.

Страдания человека начинаются только тогда, когда он употребляет силу своего разума на усиление и увеличение до бесконечных пределов разрастающихся требований личности для того, чтобы скрыть от себя требования разума.

Отречься нельзя и не нужно отречься от личности, как и от всех тех условий, в которых существует человек; но можно и должно не признавать эти условия самою жизнью. Можно и должно пользоваться данными условиями жизни, но нельзя и не должно смотреть на эти условия, как на цель жизни. Не отречься от личности, а отречься от блага личности и перестать признавать личность жизнью: вот что должно сделать человеку для того, чтобы возвратиться к единству, и для того, чтобы то благо, стремление к которому составляет его жизнь, было доступно ему.

С древнейших времен учение о том, что признание своей жизни в личности есть уничтожение жизни и что отречение от блага личности есть единственный путь достижения жизни, было проповедуемо великими учителями человечества.

«Да, но это что же? Это буддизм?» говорят на это обыкновенно люди нашего времени. «Это нирвана, это стояние на столбу!» И когда они сказали это, людям нашего времени кажется, что они самым успешным образом опровергли то, что все очень хорошо знают и чего скрыть ни от кого нельзя. что жизнь личная бедственна и не имеет никакого смысла.

«Это буддизм, нирвана», говорят они, и им кажется, что этими словами они опровергли всё то, что признавалось и признается миллиардами людей и что каждый из нас в глубине души знает очень хорошо, – именно, что жизнь для целей личности губительна и бессмысленна, и что если есть какой-нибудь выход из этой губительности и бессмысленности, то выход этот несомненно ведет через отречение от блага личности.

То, что так понимала и понимает жизнь большая половина человечества, – то, что величайшие умы понимали жизнь так же, – то, что никак нельзя ее понимать иначе, нисколько не смущает их. Они так уверены в том, что все вопросы жизни, если не разрешаются самым удовлетворительным образом, то устраняются телефонами, оперетками, бактериологией, электрическим светом, робуритом и т. п., что мысль об отречении от блага жизни личной представляется им только отголоском древнего невежества.

А между тем несчастные не подозревают того, что самый грубый индеец, стоящий годы на одной ноге во имя только отречения от блага личности для нирваны, – без всякого

сравнения более живой человек, чем они, озверевшие люди нашего современного, европейского общества, летающие по всему миру по железным дорогам и при электрическом свете показывающие и по телеграфам и телефонам разглашающие всему свету свое скотское состояние. Индеец этот понял то, что в жизни личности и жизни разумной есть противоречие, и разрешает его, как умеет; люди же нашего образованного мира не только не поняли этого противоречия, но даже и не верят тому, что оно есть. Положение о том, что жизнь человеческая не есть существование личности человека, добытое тысячелетним духовным трудом всего человечества, – положение это для человека (не животного) стало в нравственном мире не только такой же, но гораздо более несомненной и несокрушимой истиной, чем вращение земли и законы тяготения. Всякий мыслящий человек, ученый, невежда, старик, ребенок понимают и знают это; скрыто это только от самых диких людей в Африке и в Австралии и от одичавших обеспеченных людей в Европейских городах и столицах. Истина эта стала достоянием человечества, и если человечество не возвращается назад в своих побочных знаниях механики, алгебры, астрономии, тем более в основном и главном знании определения своей жизни оно не может идти назад. Забыть и стереть с сознания человечества то, что оно вынесло из своей жизни многих тысячелетий – уяснение тщеты, бессмысленности и бедственности личной жизни – невозможно. Попытки восстановления допотопно-

го дикого взгляда на жизнь, как на личное существование, которыми занята так называемая наука нашего европейского мира, только очевиднее показывают рост разумного сознания человечества, показывают до очевидности, как выросло уже человечество из своего детского платья. И философские теории самоуничтожения, и практика разрастающихся в страшной пропорции самоубийств показывают невозможность возвращения человечества к пережитой ступени сознания.

Жизнь, как личное существование, отжита человечеством, и вернуться к ней нельзя, и забыть то, что личное существование человека не имеет смысла, невозможно. Что бы мы ни писали, ни говорили, ни открывали, как бы ни усовершенствовали нашу личную жизнь, отрицание возможности блага личности остается непоколебимой истиной для всякого разумного человека нашего времени.

«А всё-таки вертится». Дело не в том, чтобы опровергать положения Галилея и Коперника и придумывать новые Птолемеевы круги, – их уж нельзя придумать, – а дело в том, чтобы итти дальше, делать дальнейшие выводы из того положения, которое вошло уже в общее сознание человечества. То же и с положением о невозможности блага личности, высказанным и Браминами, и Буддой, и Лаодзы, и Соломоном, и Стоиками, и всеми истинными мыслителями человечества. Не скрывать от себя надо это положение, и не обходить его всеми способами, а смело и явно признать его и делать из

него дальнейшие выводы.

Глава XXII.

ЧУВСТВО ЛЮБВИ ЕСТЬ ПРОЯВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ, ПОДЧИНЕННОЙ РАЗУМНОМУ СОЗНАНИЮ.

Жить для целей личности разумному существу нельзя. Нельзя потому, что все пути заказаны ему; все цели, к которым влечется животная личность человека, – все явно недостижимы. Разумное сознание указывает другие цели, и цели эти не только достижимы, но дают полное удовлетворение разумному сознанию человека; сначала однако, под влиянием ложного учения мира, человеку представляется, что цели эти противоположны его личности.

Как ни старается человек, воспитанный в нашем мире, с развитыми, преувеличенными похотями личности, признать себя в своем разумном *я*, он не чувствует в этом *я* стремления к жизни, которое он чувствует в своей животной личности. Разумное *я* как будто созерцает жизнь, но не живет само и не имеет влечения к жизни. Разумное *я* не чувствует стремления к жизни, а животное *я* должно страдать, и потому остается одно – избавиться от жизни.

Так недобросовестно разрешают вопрос отрицательные

философы нашего времени (Шопенгауэр, Гартман), отрицающие жизнь и все-таки остающиеся в ней, вместо того, чтобы воспользоваться возможностью выдти из нее. И так добросовестно разрешают этот вопрос самоубийцы, выходя из жизни, не представляющей для них ничего, кроме зла.

Самоубийство представляется им единственным выходом из неразумия человеческой жизни нашего времени.

Рассуждение пессимистической философии и самых обыкновенных самоубийц такое: есть животное я, в котором есть влечение к жизни. Это я с своим влечением не может быть удовлетворено; есть другое я, разумное, в котором нет никакого влечения к жизни, которое только критически созерцает всю ложную жизнерадостность и страстность животного я и отрицает ее всю.

Отдайся я первому, – я вижу, что живу безумно и иду к бедствиям, всё глубже и глубже погружаясь в них. Отдайся я второму, разумному я, – во мне не остается влечения к жизни. Я вижу, что жить для одного того, для чего мне хочется жить, для счастья личности, – нелепо и невозможно. Для разумного же сознания и можно бы жить, да незачем и не хочется. Служить тому началу, от которого я исшел, – Богу. Зачем? У Бога, если Он есть, и без меня найдутся служители. А мне зачем? Смотреть на всю эту игру жизни можно, пока не скучно. А скучно, – можно уйти, убить себя. Так я и делаю.

Вот то противоречивое представление жизни, до которого

дожило человечество еще до Соломона, до Будды, и к которому хотят возвратить его ложные учителя нашего времени.

Требования личности доведены до крайних пределов неразумия. Проснувшийся разум отрицает их. Но требования личности так разрослись, так загромождали сознание человека, что ему кажется, что разум отрицает всю жизнь. Ему кажется то, что если откинуть из своего сознания жизни всё то, что отрицает его разум, то ничего не останется. Он не видит уже того, что остается. Остаток, – тот остаток, в котором есть жизнь, ему кажется ничем.

Но свет во тьме светит, и тьма не может объять его.

Учение истины знает эту дилемму – или безумное существование, или отречение от него – и разрешает ее.

Учение, которое всегда и называлось учением о благе, учение истины, указало людям, что вместо того обманчивого блага, которого они ищут для животной личности, они не то, что могут получить когда-то, где-то, но всегда имеют сейчас, здесь, неотъемлемое от них, действительное благо, всегда доступное им.

Благо это не есть нечто, только выведенное из рассуждения, не есть что-то такое, что надо отыскивать где-то, не есть благо, обещанное где-то и когда-то, а есть то самое знакомое человеку благо, к которому непосредственно влечется каждая неразвращенная душа человеческая.

Все люди с самых первых детских лет знают, что, кроме блага животной личности, есть еще одно, лучшее благо жиз-

ни, которое не только независимо от удовлетворения похотей животной личности, но, напротив, бывает тем больше, чем больше отречение от блага животной личности.

Чувство это, разрешающее все противоречия жизни человеческой и дающее наибольшее благо человеку, знают все люди. Чувство это есть *любовь*.

Жизнь есть деятельность животной личности, подчиненной закону разума. Разум есть тот закон, которому для своего блага должна быть подчинена животная личность человека. Любовь есть единственная разумная деятельность человека.

Животная личность влечется к благу; разум указывает человеку обманчивость личного блага и оставляет один путь. Деятельность на этом пути есть любовь.

Животная личность человека требует блага, разумное сознание показывает человеку бедственность всех борющихся между собою существ, показывает ему, что блага для его животной личности быть не может, показывает ему, что единственное благо, возможное ему, было бы такое, при котором не было бы ни борьбы с другими существами, ни прекращения блага, пресыщения им, не было бы предвидения и ужаса смерти.

И вот, как ключ, сделанный только к этому замку, человек в душе своей находит чувство, которое дает ему то самое благо, на которое, как на единственно возможное, указывает ему разум. И чувство это не только разрешает прежнее про-

тиворечие жизни, но как бы в этом противоречии и находит возможность своего проявления.

Животные личности для своих целей хотят воспользоваться личностью человека. А чувство любви влечет его к тому, чтобы отдать свое существование на пользу других существ.

Животная личность страдает. И эти-то страдания и облегчение их и составляют главный предмет деятельности любви. Животная личность, стремясь к благу, стремится каждым дыханием к величайшему злу – к смерти, предвидение которой нарушало всякое благо личности. А чувство любви не только уничтожает этот страх, но влечет человека к последней жертве своего плотского существования для блага других.

Глава XXIII.

ПРОЯВЛЕНИЕ ЧУВСТВА ЛЮБВИ НЕВОЗМОЖНО ДЛЯ ЛЮДЕЙ, НЕ ПОНИМАЮЩИХ СМЫСЛА СВОЕЙ ЖИЗНИ.

Всякий человек знает, что в чувстве любви есть что-то особенное, способное разрешать все противоречия жизни и давать человеку то полное благо, в стремлении к которому состоит его жизнь. «Но ведь это чувство, которое приходит только изредка, продолжается недолго, и последствием его бывают еще худшие страдания», говорят люди, не понимающие жизни.

Людам этим любовь представляется не тем единственным законным проявлением жизни, каким она представляется для разумного сознания, а только одною из тысяч разных случайностей, бывающих в жизни, – представляется одним из тех тысяч разнообразных настроений, в которых бывает человек во время своего существования: бывает, что человек щеголяет, бывает, что увлечен наукою или искусством, бывает, что увлечен службой, честолюбием, приобретением, бывает, что он любит кого-нибудь. Настроение любви представляется людям, не понимающим жизни, – не сущностью

жизни человеческой, но случайным настроением – таким же независимым от его воли, как и все другие, которым подвергается человек во время своей жизни. Даже можно часто прочесть и услышать суждения о том, что любовь есть некоторое неправильное, нарушающее правильное течение жизни, – мучительное настроение. Нечто подобное тому, что должно казаться сове, когда восходит солнце.

Чувствуется, правда, и этими людьми то, что в состоянии любви есть что-то особенное, более важное, чем во всех других настроениях. Но, не понимая жизни, люди эти не могут и понимать любви, и состояние любви представляется им таким же бедственным и таким же обманчивым, как и все другие состояния.

«Любить?.. но кого же?
На время не стоит труда,
А вечно любить невозможно...»

Слова эти точно выражают смутное сознание людей, что в любви – спасение от бедствий жизни и единственное нечто, похожее на истинное благо, и вместе с тем признание в том, что для людей, не понимающих жизни, любовь не может быть якорем спасения. Любить некого, и всякая любовь проходит. И потому любовь могла бы быть благом только тогда, когда было бы кого любить и был бы тот, кого можно любить вечно. А так как этого нет, то и нет спасения в любви, и любовь такой же обман и такое же страдание, как и всё осталь-

ное.

И так, и не иначе, как так, могут понимать любовь люди, учащие и сами научаемые тому, что жизнь есть не что иное, как животное существование.

Для таких людей любовь даже не соответствует тому понятию, которое мы все невольно соединяем с словом любовь. Она не есть деятельность добрая, дающая благо любящему и любимому. Любовь очень часто в представлении людей, признающих жизнь в животной личности, – то самое чувство, вследствие которого для блага своего ребенка одна мать отнимает у другого голодного ребенка молоко его матери и страдает от беспокойства за успех кормления; то чувство, по которому отец, мучая себя, отнимает последний кусок хлеба у голодающих людей, чтобы обеспечить своих детей; это то чувство, по которому любящий женщину страдает от этой любви и заставляет ее страдать, соблазняя ее, или из ревности губит себя и ее; то чувство, по которому бывает даже, что человек из любви насильничает женщину; это то чувство, по которому люди одного товарищества наносят вред другим, чтобы отстоять своих; это то чувство, по которому человек мучает сам себя над любимым занятием и этим же занятием причиняет горе и страдания окружающим его людям; это то чувство, по которому люди не могут стерпеть оскорбления любимому отечеству и устилают поля убитыми и ранеными, своими и чужими.

Но мало и этого, деятельность любви для людей, призна-

ющих жизнь в благе животной личности, представляет такие затруднения, что проявления ее становятся не только мучительными, но часто и невозможными. «Надо не рассуждать о любви, – говорят обыкновенно люди, не понимающие жизни, а предаваться тому непосредственному чувству предпочтения, пристрастия к людям, которое испытываешь, и это и есть настоящая любовь».

Они правы, что нельзя рассуждать о любви, что всякое рассуждение о любви уничтожает любовь. Но дело в том, что не рассуждать о любви могут только те люди, которые уже употребили свой разум на понимание жизни и отреклись от блага личной жизни; те же люди, которые не поняли жизни и существуют для блага животной личности, не могут не рассуждать. Им необходимо рассуждать, чтобы предаваться тому чувству, которое они называют любовью. Всякое проявление этого чувства невозможно для них без рассуждения, без разрешения неразрешимых вопросов.

В самом деле, люди предпочитают своего ребенка, своих друзей, свою жену, своих детей, свое отечество всяким другим детям, женам, друзьям, отечествам и называют это чувство любовью.

Любить вообще значит желать делать доброе. Так мы все понимаем и не можем иначе понимать любовь. И вот я люблю своего ребенка, свою жену, свое отечество, т. е. желаю блага своему ребенку, жене, отечеству больше, чем другим детям, женам и отечествам. Никогда не бывает и не может

быть, чтобы я любил только своего ребенка, или жену, или только отечество. Всякий человек любит вместе и ребенка, и жену, и детей, и отечество, и людей вообще. Между тем условия блага, которого он по своей любви желает различным любимым существам, так связаны между собой, что всякая любовная деятельность человека для одного из любимых существ не только мешает его деятельности для других, но бывает в ущерб другим.

И вот являются вопросы – во имя какой любви и как действовать? Во имя какой любви жертвовать другою любовью, кого любить больше и кому делать больше добра, – жене или детям, жене и детям или друзьям? Как служить любимому отечеству, не нарушая любовь к жене, детям и друзьям? Как, наконец, решать вопросы о том, насколько можно мне жертвовать и моею личностью, нужной для служения другим? Насколько мне можно заботиться о себе для того, чтобы я мог, любя других, служить им? Все эти вопросы кажутся очень простыми для людей, не пытавшихся дать себе отчета в том чувстве, которое они называют любовью; но они не только не просты, они совершенно неразрешимы.

И не даром законник поставил Христу этот самый вопрос: кто ближний? Отвечать на эти вопросы кажется очень легко только людям, забывающим настоящие условия жизни человеческой.

Только если бы люди были боги, как мы воображаем их, только тогда они бы могли любить одних избранных людей;

тогда бы только и предпочтение одних другим могло быть истинною любовью. Но люди не боги, а находятся в тех условиях существования, при которых все живые существа всегда живут одни другими, пожирая одни других, и в прямом и в переносном смысле; и человек, как разумное существо, должен знать и видеть это. Он должен знать, что всякое плотское благо получается одним существом только в ущерб другому.

Сколько бы ни уверяли людей суеверия религиозные и научные о таком будущем золотом веке, в котором всего всем будет довольно, разумный человек видит и знает, что закон его временного и пространственного существования есть борьба всех против каждого, каждого против каждого и против всех.

В той давке и борьбе животных интересов, которые составляют жизнь мира, человеку невозможно любить избранных, как это воображают люди, не понимающие жизни. Человек, если он любит хотя и избранных, он никогда не любит только одного. Всякий человек любит и мать, и жену, и ребенка, и друзей, и отечество, и даже всех людей. И любовь не есть только слово (как все согласны в этом), но есть деятельность, направленная на благо других. Деятельность же эта не происходит в каком-нибудь определенном порядке, так что сначала заявляются человеку требования его самой сильной любви, потом менее сильной и т. д. Требования любви заявляются беспрестанно все вместе, без всякого порядка. Сейчас пришел голодный старик, которого я немножко люблю,

и просит еды, которую я берегу на ужин мною любимым детям; как мне взвесить требования сейчасной менее сильной любви с будущими требованиями более сильной любви?

Эти самые вопросы и были поставлены законником Христу: «Кто ближний?» В самом деле, как решить, кому нужно служить и в какой мере: людям или отечеству? отечеству или своим приятелям? своим приятелям или своей жене? своей жене или своему отцу? своему отцу или своим детям? своим детям или самому себе? (чтобы быть в состоянии служить другим, когда это понадобится).

Ведь всё это требования любви, и все они переплетены между собою, так что удовлетворение требованиям одних лишает человека возможности удовлетворять других. Если же я допущу, что озябшего ребенка можно не одеть, потому что моим детям когда-нибудь понадобится то платье, которого у меня просят, то я могу не отдаваться и другим требованиям любви во имя моих будущих детей.

Точно то же и по отношению к любви к отечеству, избранным занятиям и ко всем людям. Если человек может отказывать требованиям самой малой любви настоящего во имя требования самой большой любви будущего, то разве не ясно, что такой человек, если бы он всеми силами и желал этого, никогда не будет в состоянии взвесить, на сколько он может отказывать требованиям настоящего во имя будущего, и потому, не будучи в силах решить этого вопроса, всегда выберет то проявление любви, которое будет приятно для него,

т. е. будет действовать не во имя любви, а во имя своей личности. Если человек решает, что ему лучше воздержаться от требований настоящей, самой малой любви во имя другого, будущего проявления большей любви, то он обманывает или себя, или других, и никого не любит кроме себя одного.

Любви в будущем не бывает; любовь есть только деятельность в настоящем. Человек же, не проявляющий любви в настоящем, не имеет любви.

Происходит то же, что при представлении о жизни людей, не имеющих жизни. Если бы люди были животные и не имели бы разума, они бы и существовали как животные, не рассуждали бы о жизни; и животное существование их было бы законное и счастливое. То же и с любовью: если бы люди были животные без разума, то они любили бы тех, кого любят: своих волчат, свое стадо, и не знали бы, что они любят своих волчат и свое стадо, и не знали бы того, что другие волки любят своих волчат и другие стада своих товарищей по стаду, и любовь их была бы – та любовь и та жизнь, которая возможна на той степени сознания, на которой они находятся.

Но люди – разумные существа, и не могут не видеть, что другие существа имеют такую же любовь к своим и что потому эти чувства любви должны придти в столкновение и произвести нечто не благое, а совершенно противное понятию любви.

Если же люди употребляют свой разум на то, чтобы оправдывать и усиливать то животное, неблагое чувство, которое

они называют любовью, придавая этому чувству уродливые размеры, то это чувство становится не только не добрым, но делает из человека – давно известная истина – самое злое и ужасное животное. Происходит то, что сказано в Евангелии: «Если свет, который в тебе – тьма, то какова же тьма?» Если бы в человеке не было ничего, кроме любви к себе и к своим детям, не было бы и 0,99 того зла, которое есть теперь между людьми. 0,99 зла между людьми происходит от того ложного чувства, которое они, восхваляя его, называют любовью и которое столько же похоже на любовь, сколько жизнь животного похожа на жизнь человека.

То, что люди, не понимающие жизни, называют любовью, это только известные предпочтения одних условий блага своей личности другим. Когда человек, не понимающий жизни, говорит, что он любит свою жену или ребенка, или друга, он говорит только то, что присутствие в его жизни его жены, ребенка, друга увеличивает благо его личной жизни.

Предпочтения эти относятся к любви так же, как существование относится к жизни. И как людьми, не понимающими жизни, жизнью называется существование, так этими же людьми любовью называется предпочтение одних условий личного существования другим.

Чувства эти – предпочтения к известным существам, как например, к своим детям или даже к известным занятиям, например, к науке, к искусствам мы называем тоже любовью; но такие чувства предпочтения, бесконечно разнообразны.

разные, составляют всю сложность видимой, осязаемой животной жизни людей и не могут быть называемы любовью, потому что они не имеют главного признака любви – деятельности, имеющей и целью и последствием благо.

Страстность проявления этих предпочтений только показывает энергию животной личности. Страстность предпочтения одних людей другим, называемая неверно любовью, есть только дичёк, на котором может быть привита истинная любовь и дать плоды ее. Но как дичёк не есть яблоня и не дает плодов или дает плоды горькие вместо сладких, так и пристрастие не есть любовь и не делает добра людям или производит еще большее зло. И потому приносит величайшее зло миру и так восхваляемая любовь к женщине, к детям, к друзьям, не говоря уже о любви к науке, к искусству, к отечеству, которая есть ничто иное, как предпочтение на время известных условий животной жизни другим.

Глава XXIV.

ИСТИННАЯ ЛЮБОВЬ ЕСТЬ ПОСЛЕДСТВИЕ ОТРЕЧЕНИЯ ОТ БЛАГА ЛИЧНОСТИ.

Любовь истинная становится возможной только при отречении от блага животной личности.

Возможность истинной любви начинается только тогда, когда человек понял, что нет для него блага его животной личности. Только тогда все соки жизни переходят в один облагороженный черенок истинной любви, разрастающийся уже всеми силами ствола дичка животной личности. Учение Христа и есть прививка этой любви, как Он и сам сказал это. Он сказал, что Он, Его любовь, есть та одна лоза, которая может приносить плод, и что всякая ветвь, не приносящая плода, отсекается.

Только тот, кто не только понял, но жизнью познал то, что «сберегший душу свою потеряет её, а потерявший душу свою ради Меня, сбережет её», – только кто понял, что любящий душу свою погубит ее, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит её в жизнь вечную, только тот познает истинную любовь.

«И кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня. И кто любит сына или дочь более, нежели Ме-

ня, недостойн Меня. Если вы любите любящих вас, то это не любовь, а вы любите врагов, любите ненавидящих вас».

Не вследствие любви к отцу, к сыну, к жене, к друзьям, к добрым и милым людям, как это обыкновенно думают, люди отрекаются от личности, а только вследствие сознания тщеты существования личности, сознания невозможности ее блага, и потому вследствие отречения от жизни личности познает человек истинную любовь и может истинно любить отца, сына, жену, детей и друзей.

Любовь есть предпочтение других существ себе – своей животной личности.

Забвение ближайших интересов личности для достижения отдаленных целей той же личности, как это бывает при так называемой любви, не выросшей на самоотречении, есть только предпочтение одних существ другим для своего личного блага. Истинная любовь, прежде чем сделаться деятельным чувством, должна быть известным состоянием. Начало любви, корень ее, не есть порыв чувства, затемняющий разум, как это обыкновенно воображают, но есть самое разумное, светлое и потому спокойное и радостное состояние, свойственное детям и разумным людям.

Состояние это есть состояние благоволения ко всем людям, которое присуще детям, но которое во взрослом человеке возникает только при отречении и усиливается только по мере отречения от блага личности. Как часто приводится слышать слова: «мне ведь всё равно, мне ничего не нужно»,

и вместе с этими словами видеть нелюбовное отношение к людям. Но пусть попробует всякий человек хоть раз, в минуту недоброжелательности к людям, искренно, от души сказать себе: «мне всё равно, мне ничего не нужно», и только, хоть на время, ничего не желать для себя, и всякий человек этим простым внутренним опытом познает, как тотчас же, по мере искренности его отречения, падет всякое недоброжелательство и каким потоком хлынет из его сердца запертое до тех пор благоволение ко всем людям.

В самом деле, любовь есть предпочтение других существ себе – ведь мы все так понимаем и иначе не можем понимать любовь. Величина любви есть величина дроби, которой числитель, мои пристрастия, симпатии к другим, – не в моей власти; знаменатель же, моя любовь к себе, может быть увеличен и уменьшен мною до бесконечности, по мере того значения, которое я придам своей животной личности. Суждения же нашего мира о любви, о степенях ее – это суждения о величине дробей по одним числителям, без соображения о их знаменателях.

Истинная любовь всегда имеет в основе своей отречение от блага личности и возникающее от того благоволение ко всем людям. Только на этом общем благоволении может вырасти истинная любовь к известным людям – своим или чужим. И только такая любовь дает истинное благо жизни и разрешает кажущееся противоречие животного и разумного сознания.

Любовь, не имеющая в основе своей отречения от личности и, вследствие его, благоволения ко всем людям, есть только жизнь животная и подвержена тем же и еще большим бедствиям и еще большему неразумию, чем жизнь без этой мнимой любви. Чувство пристрастия, называемое любовью, не только не устраняет борьбы существ, не освобождает личность от погони за наслаждениями и не спасает от смерти, но только больше еще затемняет жизнь, ожесточает борьбу, усиливает жадность к наслаждениям для себя и для другого и увеличивает ужас перед смертью за себя и за другого.

Человек, который жизнь свою полагает в существовании животной личности, не может любить, потому что любовь должна представляться ему деятельностью прямо противоположную его жизни. Жизнь такого человека только в благе животного существования, а любовь прежде всего требует жертвы этого блага. Если бы даже человек, не понимающий жизни, и захотел искренно отдаться деятельности любви, он не будет в состоянии этого сделать до тех пор, пока он не поймет жизни и не изменит всё свое отношение к ней. Человек, положивший свою жизнь в благо животной личности, всю жизнь свою увеличивает средства своего животного блага, приобретая богатства и сохраняя их, заставляет других служить его животному благу и распределяет эти блага между теми лицами, которые были более нужны для блага его личности. Как же ему отдать свою жизнь, когда жизнь его еще поддерживается не им самим, а другими людьми? И

еще труднее ему выбрать, кому из предпочитаемых им людей передать накопленные им блага и кому служить.

Чтобы быть в состоянии отдавать свою жизнь, ему надо прежде отдать тот излишек, который он берет у других для блага своей жизни, и потом еще сделать невозможное: решить, кому из людей служить своей жизнью? Прежде, чем он будет в состоянии любить, т. е., жертвуя собою, делать благо, ему надо перестать ненавидеть, т. е. делать зло, и перестать предпочитать одних людей другим для блага своей личности.

Только для человека, не признающего блага в жизни личной и потому не заботящегося об этом ложном благе и чрез это освободившего в себе свойственное человеку благоволение ко всем людям, возможна деятельность любви, всегда удовлетворяющая его и других. Благо жизни такого человека в любви, как благо растения в свете, и потому, как ничем незакрытое, растение не может спрашивать и не спрашивает, в какую сторону ему расти, и хорош ли свет, не подождать ли ему другого, лучшего, а берет тот единый свет, который есть в мире, и тянется к нему, – так и отрекшийся от блага личности человек не рассуждает о том, что ему отдать из отнятого от других людей и каким любимым существам, и нет ли какой еще лучшей любви, чем та, которая заявляет требования, – а отдает себя, свое существование той любви, которая доступна ему и есть перед ним. Только такая любовь дает полное удовлетворение разумной природе человека.

Глава XXV.

ЛЮБОВЬ ЕСТЬ ЕДИНАЯ И ПОЛНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТИННОЙ ЖИЗНИ.

И нет иной любви, как той, чтобы положить душу свою за други свои. Любовь – только тогда любовь, когда она есть жертва собой. Только когда человек отдает другому не только свое время, свои силы, но когда он тратит свое тело для любимого предмета, отдает ему свою жизнь – только это мы признаем все любовью и только в такой любви мы все находим благо, награду любви. И только тем, что есть такая любовь в людях, только тем и стоит мир. Мать, кормящая ребенка, прямо отдает себя, свое тело в пищу детям, которые без этого не были бы живы. И это – любовь. Так же точно отдает себя, свое тело в пищу другому, всякий работник для блага других, изнашивающий свое тело в работе и приближающий себя к смерти. И такая любовь возможна только для того человека, у которого между возможностью жертвы собой и теми существами, которых он любит, не стоит никакой преграды для жертвы. Мать, отдавшая кормилице своего ребенка, не может его любить; человек, приобретающий и сохранивший свои деньги, не может любить.

«Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего,

тот еще во тьме. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете и нет в нем соблазна. А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме и во тьме ходит и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза... Станем любить не словом или языком, но делом и истиною. И вот почему узнаем, что мы от истины и успокаиваем сердца наши... Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он. В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому, что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви».

Только такая любовь дает истинную жизнь людям.

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь».

Вторая же, подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя», сказал Христу законник. И на это Иисус сказал: «Правильно ты отвечал, так и поступай, т. е. люби Бога и ближнего и *будешь жить*».

Любовь истинная есть самая жизнь. «Мы знаем, что мы перешли от смерти в жизнь, потому что любим братьев», говорит ученик Христа. «Не любящий брата пребывает в смерти». Жив только тот, кто любит.

Любовь по учению Христа есть сама жизнь; но не жизнь неразумная, страдальческая и гибнущая, но жизнь блаженная и бесконечная. И мы все знаем это. Любовь не есть вывод

разума, не есть последствие известной деятельности; а это есть сама радостная деятельность жизни, которая со всех сторон окружает нас, и которую мы все знаем в себе с самых первых воспоминаний детства до тех пор, пока ложные учения мира не засорили ее в нашей душе и не лишили нас возможности испытывать ее.

Любовь – это не есть пристрастие к тому, что увеличивает временное благо личности человека, как любовь к избранным лицам или предметам, а то стремление к благу того, что вне человека, которое остается в человеке после отречения от блага животной личности.

Кто из живых людей не знает того блаженного чувства, хоть раз испытанного, и чаще всего только в самом раннем детстве, когда душа не была еще засорена всей той ложью, которая заглушает в нас жизнь, того блаженного чувства умиления, при котором хочется любить всех: и близких, и отца, и мать, и братьев, и злых людей, и врагов, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного – чтоб всем было хорошо, чтоб все были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому сделать так, чтоб всем было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда всем было хорошо и радостно. Это-то и есть, и эта одна есть та любовь, в которой жизнь человека.

Любовь эта, в которой только и есть жизнь, проявляется в душе человека, как чуть заметный, нежный росток среди похожих на неё грубых ростков сорных трав, различных

похотей человека, которые мы называем любовью. Сначала людям и самому человеку кажется, что этот росток, – тот, из которого должно вырастать то дерево, в котором будут укрываться птицы, – и все другие ростки всё одно и то же. Люди даже предпочитают сначала ростки сорных трав, которые растут быстрее, и единственный росток жизни глхнет и замирает; но еще хуже то, что еще чаще бывает: люди слышали, что в числе этих ростков есть один настоящий, жизненный, называемый любовью, и они вместо него, топчя его, начинают воспитывать другой росток сорной травы, называя его любовью. Но что еще хуже: люди грубыми руками ухватывают самый росток и кричат: «вот он, мы нашли его, мы теперь знаем его, возрастим его. Любовь! Любовь! высшее чувство, вот оно!» и люди начинают пересаживать его, исправлять его и захватывают, заминают его так, что росток умирает, не расцветши, и те же или другие люди говорят: всё это вздор, пустяки, сентиментальность. Росток любви, при проявлении своем нежный, не терпящий прикосновения, могущественен только при своем разрасте. Всё, что будут делать над ним люди, только хуже для него. Ему нужно одного, – того, чтобы ничто не скрывало от него солнца разума, которое одно возвращает его.

Глава XXVI.

СТАРАНИЯ ЛЮДЕЙ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА НЕВОЗМОЖНОЕ УЛУЧШЕНИЕ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ, ЛИШАЮТ ИХ ВОЗМОЖНОСТИ ЕДИНОЙ ИСТИННОЙ ЖИЗНИ.

Только познание призрачности и обманчивости животного существования и освобождение в себе единственной истинной жизни любви дает человеку благо. И что же делают люди для достижения этого блага? Люди, существование которых состоит в медленном уничтожении личности и приближении к неизбежной смерти этой личности, и которые не могут не знать этого, всё время своего существования всячески стараются, – только тем и заняты, чтобы утверждать эту гибнущую личность, удовлетворять ее похотям и тем лишать себя возможности единственного блага жизни – любви.

Деятельность людей, не понимающих жизни, во всё время их существования направлена на борьбу за свое существование, на приобретение наслаждений, избавление себя от страданий и удаление от себя неизбежной смерти.

Но увеличение наслаждений увеличивает напряженность

борьбы, чувствительность к страданиям и приближает смерть. Чтобы скрыть от себя приближение смерти – одно средство: еще увеличивать наслаждения. Но увеличение наслаждений доходит до своего предела, наслаждения не могут быть увеличены, переходят в страдания, и остается одна чувствительность к страданиям и ужас всё ближе и ближе среди одних страданий надвигающейся смерти. И является ложный круг: одно – причина другого и одно усиливает другое. Главный ужас жизни людей, не понимающих жизни, в том, что то, что ими считается наслаждениями (все наслаждения богатой жизни), будучи такими, что они не могут быть равномерно распределены между всеми людьми, должны быть отнимаемы у других, должны быть приобретаемы насильем, злом, уничтожающим возможность того благоволения к людям, из которого вырастает любовь. Так что наслаждения всегда прямо противоположны любви и чем сильнее, тем противоположнее. Так что, чем сильнее, напряженнее деятельность для достижения наслаждений, тем невозможнее становится единственно доступное человеку благо – любовь.

Жизнь понимается не так, как она сознается разумным сознанием – как невидимое, но несомненное подчинение в каждое мгновение настоящего своего животного -закону разума, освобождающее свойственное человеку благоволение ко всем людям и вытекающую из него деятельность любви, а только как плотское существование в продолжении извест-

ного промежутка времени, в определенных и устраиваемых нами, исключающих возможность благоволения ко всем людям, условиях.

Людам мирского учения, направившим свой разум на устройство известных условий существования, кажется, что увеличение блага жизни происходит от лучшего внешнего устройства своего существования. Лучшее же внешнее устройство их существования зависит от большего насилия над людьми, прямо противоположного любви. Так что, чем лучше их устройство, тем меньше у них остается возможности любви, возможности жизни.

Употребив свой разум не на то, чтобы понять – одинаково для всех людей равное нолю благо животного существования, люди этот ноль признали величиною, которая может уменьшаться и увеличиваться, и на мнимое это увеличение, умножение ноля употребляют весь остающийся у них без приложения разум.

Люди не видят того, что ничто, ноль, на что бы он ни был помножен, остается тем же, равным всякому другому – нолем, не видят, что существование животной личности всякого человека одинаково бедственно и не может быть никакими внешними условиями сделано счастливым. Люди не хотят видеть того, что ни одно существование, как плотское существование, не может быть счастливее другого, что это такой же закон, как тот, по которому на поверхности озера нигде нельзя поднять воду выше данного общего уровня. Лю-

ди, извратившие свой разум, не видят этого и употребляют свои извращенный разум на это невозможное дело, и в этом невозможном поднимании воды в разных местах на поверхности озера – в роде того, что делают купающиеся дети, называя это варить пиво, – проходит всё их существование.

Им кажется, что существования людей бывают более и менее хорошие, счастливые; существование бедного работника или больного человека, говорят они, дурное, несчастливое; существование богача или здорового человека хорошее, счастливое; и они все силы разума своего напрягают на то, чтобы избежать дурного, несчастливого, бедного и болезненного существования и устроить себе хорошее, богатое и здоровое, счастливое.

Вырабатываются поколениями приемы устройства и поддержания этих разных, самых счастливых жизней, и программы этих воображаемых лучших, как они называют свое животное существование, жизней передаются по наследству. Люди одни перед другими стараются как можно лучше поддержать ту счастливую *жизнь*, которую они наследовали от устройства родителей, или сделать себе новую, еще более счастливую *жизнь*. Людям кажется, что, поддерживая свое унаследованное устройство существования или устраивая себе новое, лучшее по их представлению, они что-то делают.

И поддерживая друг друга в этом обмане, люди часто до того искренно убеждаются в том, что в этом безумном толчении воды, бессмысленность которого очевидна для них са-

мих, и состоит жизнь, – так убеждаются в этом, что с презрением отворачиваются от призыва к настоящей жизни, который они не переставая слышат: и в учении истины, и в примерах жизни живых людей, и в своем заглушем сердце, в котором никогда не заглушается до конца голос разума и любви.

Совершается удивительное дело. Люди, огромное количество людей, имеющих возможность разумной и любовной жизни, находятся в положении тех баранов, которых вытаскивают из горящего дома, а они, вообразив, что их хотят бросить в огонь, все силы свои употребляют на борьбу с теми, которые хотят спасти их.

Из страха перед смертью люди не хотят выходить из нее, из страха перед страданиями люди мучают себя и лишают себя единственно возможных для них блага и жизни.

Глава XXVII.

СТРАХ СМЕРТИ ЕСТЬ ТОЛЬКО СОЗНАНИЕ НЕРАЗРЕШЕННОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ ЖИЗНИ.

«Нет смерти», говорит людям голос истины. «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в Меня не умрет во век. Вернешь ли сему?»

«Нет смерти», говорили все великие учителя мира, и то же говорят, и жизнью своей свидетельствуют миллионы людей, понявших смысл жизни. И то же чувствует в своей душе, в минуту прояснения сознания, и каждый живой человек. Но люди, не понимающие жизни, не могут не бояться смерти. Они видят её и верят в неё.

«Как нет смерти?» с негодованием, с злобой кричат эти люди. – «Это софизм! Смерть перед нами; косила миллионы и нас скосит. И сколько ни говорите, что ее нет, она всё-таки останется. Вот она!» И они видят то, про что они говорят, как видит душевно-больной человек то привидение, которое ужасает его. Он не может ощупать это привидение, оно никогда еще не прикасалось к нему; про намерение его он ни-

чего не знает, но он так боится и страдает от этого воображаемого привидения, что лишается возможности жизни. Ведь то же и с смертью. Человек не знает своей смерти и никогда не может познать ее, она никогда еще не прикасалась к нему, про намерение ее он ничего не знает. Так чего же он боится?

«Она никогда еще не схватывала меня, но она схватит, я знаю наверное – схватит и уничтожит меня. И это ужасно»^у говорят люди, не понимающие жизни.

Если бы люди с ложным представлением о жизни могли рассуждать спокойно и мыслили бы правильно на основании того представления, которое они имеют о жизни, они бы должны были придти к заключению, что в том, что в плотском существовании моем произойдет та перемена, которая, я вижу, не переставая происходит во всех существах и которую я называю смертью, нет ничего ни неприятного, ни страшного.

Я умру. Что же тут страшного? Ведь сколько разных перемен происходило и происходит в моем плотском существовании, и я не боялся их? Отчего же я боюсь этой перемены, которая еще не наступала и в которой не только нет ничего противного моему разуму и опыту, но которая так понятна, знакома и естественна для меня, что в продолжении моей жизни я постоянно делал и делаю соображения, в которых смерть, и животных, и людей, принималась мною, как необходимое и часто приятное мне условие жизни. Что же страшно?

Ведь есть только два строго логические взгляда на жизнь: один ложный – тот, при котором жизнь понимается, как те видимые явления, которые происходят в моем теле от рождения и до смерти, а другой истинный – тот, при котором жизнь понимается как то невидимое сознание ее, которое я ношу в себе. Один взгляд ложный, другой истинный, но оба логичны, и люди могут иметь тот или другой, но ни при том, ни при другом невозможен страх смерти.

Первый ложный взгляд, понимающий жизнь, как видимые явления в теле от рождения и до смерти, столь же древен, как и мир. Это не есть, как думают многие, взгляд на жизнь, выработанный материалистической наукой и философией нашего времени; наука и философия нашего времени довели только это воззрение до последних его пределов, при которых очевиднее, чем прежде, стало несоответствие этого взгляда основным требованиям природы человеческой; но это давнишний, первобытный взгляд людей, стоящих на низшей ступени развития: он выражен и у Китайцев, и у Буддистов, и у Евреев, и в книге Иова, и в изречении: «земля еси и в землю пойдеши».

Взгляд этот в своем теперешнем выражении такой: жизнь – это случайная игра сил в веществе, проявляющаяся в пространстве и времени. То же, что мы называем своим сознанием, не есть жизнь, а некоторый обман чувств, при котором кажется, что жизнь в этом сознании. Сознание есть искра, вспыхивающая на веществе, при известном его состоянии.

Искра эта вспыхивает, разгорается, опять тухнет, и под конец совсем потухает. Искра эта, т. е. сознание, испытываемое веществом в продолжении определенного времени между двух временных бесконечностей, есть ничто. И несмотря на то, что сознание видит само себя и весь бесконечный мир и судит само себя и весь бесконечный мир, и видит всю игру случайностей этого мира, и *главное*, в противоположность чего-то не случайного, называет эту игру случайною, сознание это само по себе есть только произведение мертвого вещества, призрак, возникающий и исчезающий без всякого остатка и смысла. Всё есть произведение вещества, бесконечно изменяющегося; и то, что называют жизнью, есть только известное состояние мертвого вещества.

Таков один взгляд на жизнь. Взгляд этот совершенно логичен. По этому взгляду разумное сознание человека есть только случайность, сопутствующая известному состоянию вещества; и потому то, что мы в своем сознании называем жизнью, есть призрак. Существует только мертвое. То, что мы называем жизнью, есть игра смерти. При таком взгляде на жизнь, смерть не только не должна быть страшна, но должна быть страшна по жизни – как нечто неестественное и неразумное, как это и есть у Буддистов и новых пессимистов, Шопенгауера и Гартмана.

Другой же взгляд на жизнь такой. Жизнь есть только то, что я сознаю в себе. Сознаю же я всегда свою жизнь не так, что я был или буду (так я рассуждаю о своей жизни), а со-

знаю свою жизнь так, что я есмь – никогда нигде не начинаюсь, никогда нигде и не кончаюсь. С сознанием моей жизни не соединимо понятие времени и пространства. Жизнь моя проявляется во времени, пространстве, но это только проявление ее. Сама же жизнь, сознаваемая мною, сознается мною вне времени и пространства. Так что при этом взгляде выходит наоборот: не сознание жизни есть призрак, а всё пространственное и временное – призрачно. И потому временное и пространственное прекращение телесного существования при этом взгляде не имеет ничего действительного и не может не только прекратить, но и нарушить моей истинной жизни. И смерти при этом взгляде не существует.

Ни при том, ни при другом взгляде на жизнь страха смерти не могло бы быть, если бы люди строго держались того или другого.

Ни как животное, ни как разумное существо, человек не может бояться смерти: животное, не имея сознания жизни, не видит смерти, а разумное существо, имея сознание жизни, не может видеть в смерти животной ничего иного, как естественного и никогда непрекращающегося движения вещества. Если же человек боится, то боится не смерти, которой он не знает, а жизни, которую одну знает и животное и разумное существо его. То чувство, которое выражается в людях страхом смерти, есть только сознание внутреннего противоречия жизни; точно так же, как страх привидений есть только сознание болезненного душевного состояния.

«Я перестану быть – умру, умрет всё то, в чем я полагаю свою жизнь», говорит человеку один голос; «я есмь», говорит другой голос, «и не могу и не должен умереть. Я не должен умереть, и я умираю». Не в смерти, а в этом противоречии причина того ужаса, который охватывает человека при мысли о плотской смерти: страх смерти не в том, что человек боится прекращения существования своего животного, но в том, что ему представляется, что умирает то, что не может и не должно умереть. Мысль о будущей смерти есть только перенесение в будущее совершающейся смерти в настоящем. Являющееся привидение будущей плотской смерти не есть пробуждение мысли о смерти, но напротив – пробуждение мысли о жизни, которую должен иметь и не имеет человек. Это чувство, подобное тому, которое должен испытывать человек, пробудившийся к жизни в гробу, под землю. Есть жизнь, а я в смерти, и вот она, смерть! Представляется, что то, что есть и должно быть, то уничтожается. И ум человеческий шалет, ужасается. Лучшее доказательство того, что страх смерти есть не страх смерти, а ложной жизни, есть то, что часто люди убивают себя от страха смерти.

Не оттого люди ужасаются мысли о плотской смерти, что они боятся, чтобы с нею не кончилась их жизнь, но оттого, что плотская смерть явно показывает им необходимость истинной жизни, которой они не имеют. И от этого-то так не любят люди, не понимающие жизни, вспоминать о смерти. Вспоминать о смерти для них всё равно, что признаваться в

том, что они живут не так, как того требует от них их разумное сознание.

Люди, боящиеся смерти, боятся ее оттого, что она представляется им пустотою и мраком; но пустоту и мрак они видят потому, что не видят жизни.

Глава XXVIII.

ПЛОТСКАЯ СМЕРТЬ УНИЧТОЖАЕТ ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ТЕЛО И ВРЕМЕННОЕ СОЗНАНИЕ, НО НЕ МОЖЕТ УНИЧТОЖАТЬ ТОГО, ЧТО СОСТАВЛЯЕТ ОСНОВУ ЖИЗНИ: ОСОБЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ К МИРУ КАЖДОГО СУЩЕСТВА.

Но и люди, не видящие жизни, если бы они только подошли ближе к тем привидениям, которые пугают их, и ощущали бы их, увидали бы, что и для них привидение – только привидение, а не действительность.

Страх смерти всегда происходит в людях оттого, что они боятся потерять при плотской смерти свое особенное *я*, которое – они чувствуют – составляет их жизнь. Я умру, тело разложится, и уничтожится мое *я*. Я же это мое есть то, что жило в моем теле столько-то лет.

Люди дорожат этим своим *я*; и полагая, что это *я* совпадает с их плотской жизнью, делают заключение о том, что оно должно уничтожиться с уничтожением их плотской жизни.

Заключение это самое обычное, и редко кому приходит в голову усомниться в нем, а между тем заключение это со-

вершенно произвольно. Люди, и те, которые считают себя матерьялистами, и те, которые считают себя спиритуалистами, так привыкли к представлению о том, что их *я* есть то их сознание своего тела, которое жило столько-то лет, что им и не приходит в голову проверить справедливость такого утверждения.

Я жил 59 лет и во всё это время я сознавал себя собою в своем теле, и это-то сознание себя собою, мне кажется, и была моя жизнь. Но ведь это только кажется мне. Я жил ни 59 лет, ни 59000 лет, ни 59 секунд. Ни моё тело, ни время его существования нисколько не определяют жизни моего *я*. Если я в каждую минуту жизни спрошу себя в своем сознании, что я такое? я отвечу: нечто думающее и чувствующее, т. е. относящееся к миру своим совершенно особенным образом. Только это я сознаю своим *я*, и больше ничего. О том, когда и где я родился, когда и где я начал так чувствовать и думать, как я теперь думаю и чувствую, я решительно ничего не сознаю. Мое сознание говорит мне только: я есмь; я есмь с тем моим отношением к миру, в котором я нахожусь теперь. О своем рождении, о своем детстве, о многих периодах юности, о средних годах, об очень недавнем времени я часто ничего не помню. Если же я и помню кое-что или мне напоминают кое-что из моего прошедшего, то я помню и вспоминаю это почти так же, как то, что мне рассказывают про других. Так на каком же основании я утверждаю, что во всё время моего существования я был всё *один я*? Тела ведь

моего одного никакого не было и нет: тело мое всё было и есть беспрестанно текущее вещество – через что-то невещественное и невидимое, признающее это протекающее через него тело своим. Тело мое всё десятки раз переменялось; ничего не осталось старого: и мышцы, и внутренности, и кости, и мозг – всё переменялось.

Тело мое одно только потому, что есть что-то невещественное, которое признает всё это переменяющееся тело одним и своим. Невещественное это есть то, что мы называем сознанием: оно одно держит всё тело вместе и признает его одним и своим. Без этого сознания себя отдельным от всего остального я бы ничего не знал ни о своей, ни о всякой другой жизни. И потому при первом рассуждении кажется, что основа всего – сознание – должно бы быть постоянное. Но и это несправедливо: и сознание не постоянно. В продолжении всей жизни и теперь повторяется явление сна, которое кажется нам очень простым потому, что мы все спим каждый день, но которое решительно непостижимо, если признавать то, чего нельзя не признавать, что во время сна иногда совершенно прекращается сознание.

Каждые сутки, во время полного сна, сознание обрывается совершенно и потом опять возобновляется. А между тем это-то сознание есть единственная основа, держащая всё тело вместе и признающая его своим. Казалось бы, что при прекращении сознания должно бы – и распасться тело, и терять свою отдельность; но этого не бывает ни в естествен-

ном, ни в искусственном сне.

Но мало того, что сознание, держащее всё тело вместе, периодически обрывается, и тело не распадается, – сознание это кроме того еще и изменяется так же, как и тело. Как нет ничего общего в веществе моего тела, каким оно было десять лет назад и теперешним, как не было одного тела, так и не было во мне одного сознания. Мое сознание трехлетним ребенком и теперешнее сознание так же различны, как и вещество моего тела теперь и 30 лет тому назад. Сознания нет одного, а есть ряд последовательных сознаний, которые можно дробить до бесконечности.

Так что и то сознание, которое держит всё тело вместе и признает его своим, не есть что-нибудь одно, а есть нечто прерывающееся и переменяющееся. Сознания, одного сознания самого себя, как мы обыкновенно представляем себе, нет в человеке, так же как нет одного тела. Нет в человеке ни одного и того же тела, ни одного того, что отделяет это тело от всего другого, – нет сознания постоянно одного, во всю жизнь одного человека, а есть только ряд последовательных сознаний, чем-то связанных между собой, – и человек всё-таки чувствует себя собою.

Тело наше не есть одно, и то, что признает это переменяющееся тело одним и нашим, не сплошное во времени, а есть только ряд переменяющихся сознаний, и мы уже очень много раз теряли и свое тело и эти сознания; теряем тело постоянно и сознание теряем всякий день, когда засыпаем, и вся-

кий день и час чувствуем в себе изменения этого сознания и нисколько не боимся этого. Стало-быть, если есть какое-нибудь такое наше *я*, которое мы боимся потерять при смерти, то это *я* должно быть не в том теле, которое мы называем своим, и не в том сознании, которое мы называем своим в известное время, а в чем-либо другом, соединяющем весь ряд последовательных сознаний в одно.

Что же такое это нечто, связывающее в одно все последовательные во времени сознания? Что такое это-то самое коренное и особенное мое *я*, не слагающееся из существования моего тела и ряда происходящих в нем сознаний, но то основное *я*, на которое, как на стержень, нанизываются одно за другим различные последовательные во времени сознания? Вопрос кажется очень глубоким и премудрым, а между тем нет того ребенка, который не знал бы на него ответа и не высказывал бы этого ответа 20 раз на день. «А *я* люблю это, а не люблю этого». Слова эти очень просты, а между тем в них-то и разрешение вопроса о том, в чем то особенное *я*, которое связывает в одно все сознания. Это-то *я*, которое любит это, а не любит этого. Почему один любит это, а не любит этого, этого никто не знает, а между прочим это самое и есть то, что составляет основу жизни каждого человека, это-то и есть то, что связывает в одно все различные по времени состояния сознания каждого отдельного человека. Внешний мир действует на всех людей одинаково, но впечатления людей, поставленных даже в совершенно тождественные условия, до

бесконечности разнообразны, и по числу получаемых и могущих быть дробимыми до бесконечности впечатлений, и по силе их. Из впечатлений этих слагается ряд последовательных сознаний каждого человека. Связываются же все эти последовательные сознания только потому, почему и в настоящем одни впечатления действуют, а другие не действуют на его сознание. Действуют же или не действуют на человека известные впечатления только потому, что он больше или меньше любит это, а не любит этого.

Только вследствие этой большей или меньшей степени любви и складывается в человеке известный ряд таких, а не иных сознаний. Так что только свойство больше или меньше любить одно и не любить другое – и есть то особенное и основное я человека, в котором собираются в одно все разбросанные, прерывающиеся сознания. Свойство же это, хотя и развивается и в нашей жизни, вносится нами уже готовое в эту жизнь из какого-то невидимого и непознаваемого нами прошедшего.

Это особенное свойство человека в большей или меньшей степени любить одно и не любить другое обыкновенно называют характером. И под словом этим часто разумеется особенность свойств каждого отдельного человека, образующаяся вследствие известных условий места и времени. Но это несправедливо. Основное свойство человека более или менее любить одно и не любить другое не происходит от пространственных и временных условий, но, напро-

тив, пространственные и временные условия действуют или не действуют на человека только потому, что человек, входя в мир, уже имеет весьма определенное свойство любить одно и не любить другое. Только от этого и происходит то, что люди, рожденные и воспитанные в совершенно одинаковых пространственных и временных условиях, представляют часто самую резкую противоположность своего внутреннего я.

То, что соединяет в одно все разрозненные сознания, соединяющиеся в свою очередь в одно наше тело, есть нечто весьма определенное, хотя и независимое от пространственных и временных условий, и вносится нами в мир из области внепространственной и вневременной; это-то *нечто*, состоящее в моем известном, исключительном отношении к миру, и есть мое настоящее и действительное я. Себя я разумею, как это основное свойство, и других людей, если я знаю их, то знаю только, как особенные какие-то отношения к миру. Входя в серьезное душевное общение с людьми, ведь никто из нас не руководствуется их внешними признаками, а каждый из нас старается проникнуть в их сущность, т. е. познать, каково их отношение к миру, что и в какой степени они любят и не любят.

Каждое отдельное животное: лошадь, собаку, корову, если я знаю их и имею с ними серьезное душевное общение, я знаю не по внешним признакам, а по тому особенному отношению к миру, в котором стоит каждое из них, – по тому, что каждое из них, и в какой степени, любит и не любит. Ес-

ли я знаю особые различные породы животных, то, строго говоря, я знаю их не столько по внешним признакам, сколько по тому, что каждая из них – лев, рыба, паук – представляют общее особенное отношение к миру. Все львы вообще любят одно, и все рыбы другое, и все пауки третье; только потому, что они любят разное, они и разделяются в моем представлении, как различные живые существа.

То же, что я еще не различаю в каждом из этих существ его особенного отношения к миру, не доказывает того, чтобы его не было, а только то, что то особенное отношение к миру, которое составляет жизнь одного отдельного паука, удалено от того отношения к миру, в котором нахожусь я, и что потому я еще не понял его, как понял Сильвио Пеллико своего отдельного паука.

Основа всего того, что я знаю о себе и о всем мире, есть то особенное отношение к миру, в котором я нахожусь и вследствие которого я вижу другие существа, находящиеся в своем особенном отношении к миру. Мое же особенное отношение к миру установилось не в этой жизни и началось не с моим телом и не с рядом последовательных во времени сознаний.

И потому может уничтожиться мое тело, связанное в одно моим временным сознанием, может уничтожиться и самое мое временное сознание, но не может уничтожиться то мое особенное отношение к миру, составляющее мое особенное я, из которого создалось для меня всё, что есть. Оно не мо-

жет уничтожиться, потому что оно только и есть. Если бы его не было, я бы не знал ряда своих последовательных сознаний, не знал бы своего тела, не знал бы своей и никакой другой жизни. И потому уничтожение тела и сознания не может служить признаком уничтожения моего особенного отношения к миру, которое началось и возникло не в этой жизни.

Глава XXIX.

СТРАХ СМЕРТИ ПРОИСХОДИТ ОТ ТОГО, ЧТО ЛЮДИ ПРИНИМАЮТ ЗА ЖИЗНЬ ОДНУ МАЛЕНЬКУЮ, ИХ ЖЕ ЛОЖНЫМ ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ ОГРАНИЧЕННУЮ ЧАСТЬ ЕЕ.

Мы боимся потерять при плотской смерти свое особенное *я*, соединяющее и тело и ряд сознаний, проявившихся во времени, в одно, а между тем это-то мое особенное *я* началось не с моим рождением, и потому прекращение известного временного сознания не может уничтожить того, что соединяет в одно все временные сознания.

Плотская смерть действительно уничтожает то, что держит тело вместе, – сознание временной жизни. Но ведь это случается с нами беспрестанно и каждый день, когда мы засыпаем. Вопрос в том, уничтожает ли плотская смерть то, что соединяет все последовательные сознания в одно, т. е. мое особенное отношение к миру? Для того же, чтобы утверждать это, надо прежде доказать, что это-то особенное отношение к миру, соединяющее в одно все последовательные сознания, родилось с моим плотским существованием, а по-

тому и умрет с ним. А этого-то и нет.

Рассуждая на основании своего сознания, я вижу, что соединявшее все мои сознания в одно – известная восприимчивость к одному и холодность к другому, вследствие чего одно остается, другое исчезает во мне, степень моей любви к добру и ненависти к злу, – что это мое особенное отношение к миру, составляющее именно меня, особенного меня, не есть произведение какой-либо внешней причины, а есть основная причина всех остальных явлений моей жизни.

Рассуждая же на основании наблюдения, сначала мне представляется, что причины особенности моего *я* находятся в особенностях моих родителей и условий, влиявших на меня и на них; но, рассуждая по этому пути дальше, я не могу не видеть, что если особенное мое *я* лежит в особенности моих родителей и условий, влиявших на них, то оно лежит и в особенности всех моих предков и в условиях их существования – до бесконечности, т. е. вне времени и вне пространства, – так что мое особенное *я* произошло вне пространства и вне времени, т. е. то самое, что *я* и сознаю.

В этой и только в этой вневременной и внепространственной основе моего особенного отношения к миру, соединяющей все памятные мне сознания и сознания, предшествующие памятной мне жизни (как это говорит Платон и как мы все это в себе чувствуем), – в ней-то, в этой основе, в особенном моем отношении к миру и есть то особенное *я*, за которое мы боимся, что оно уничтожится с плотской смертью.

Но ведь стоит только понять, что то, что связывает все сознания в одно, что то, что и есть особенное я человека, находится вне времени, всегда было и есть, и что то, что может прерываться, есть только ряд сознаний известного времени, – чтобы было ясно, что уничтожение последнего по времени сознания, при плотской смерти, так же мало может уничтожить истинное человеческое я, как и ежедневное засыпание. Ведь ни один человек не боится засыпать, хотя в засыпании происходит совершенно то же, что при смерти, именно: прекращается сознание во времени. Человек не боится того, что засыпает, хотя уничтожение сознания совершенно такое же, как и при смерти, не потому, что он рассудил, что он засыпал и просыпался, и потому опять проснется (рассуждение это неверно: он мог тысячу раз просыпаться и в тысячу первый не проснуться), – никто никогда не делает этого рассуждения, и рассуждение это не могло бы успокоить его; но человек знает, что его истинное я живет вне времени, и что потому проявляющееся для него во времени прекращение его сознания не может нарушить его жизни.

Если бы человек засыпал, как в сказках, на тысячи лет, он засыпал бы так же спокойно, как и на два часа. Для сознания не временной, но истинной жизни миллион лет перерыва во времени и восемь часов – всё равно, потому что времени для такой жизни нет.

Уничтожится тело, – уничтожится сознание нынешнего дня.

Но ведь к изменению своего тела и замене одних временных сознаний другими человеку пора бы привыкнуть. Ведь эти перемены начались с тех пор, как себя помнит человек, и происходили не переставая. Человек не боится перемен в своем теле и не только не ужасается, но очень часто только и желает ускорения этих перемен, желает вырасти, возмужать, вылечиться. Человек был красным куском мяса, и сознание его всё состояло в требованиях желудка; теперь он борода-тый, разумный мужчина, или женщина, любящая взрослых детей. Ведь ничего нет похожего ни в теле, ни в сознании, и человек не ужасался тех перемен, которые привели его к теперешнему состоянию, а только приветствовал их. Что же страшного в предстоящей перемене? Уничтожение? Да ведь то, на чем происходят все эти перемены, – особенное отношение к миру, – то, в чем состоит сознание истинной жизни, началось не с рождения тела, а вне тела и вне времени. Так как же может какое бы то ни было временное и пространственное изменение уничтожить то, что вне его? Человек уставится глазами в маленькую, крошечную частичку своей жизни, не хочет видеть всей ее и дрожит об том, чтоб не пропал из глаз этот крошечный излюбленный им кусочек. Это напоминает анекдот о том сумасшедшем, который вообразил себе, что он стеклянный, и, когда его уронили, сказал: дцинь ! и тотчас же умер. Чтоб иметь жизнь человеку, надо брать ее всю, а не маленькую часть ее, проявляющуюся в пространстве и времени. Тому, кто возьмет всю жизнь, тому

прибавится, а тому, кто возьмет часть ее, у того отнимется
и то, что у него есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.